

УДАЛИТЕЛИ ПРИЗРАКОВ

Влад Велирский

Влад Велирский

Удалители призраков

«Автор»

2026

Велирский В.

Удалители призраков / В. Велирский — «Автор», 2026

В Каскаде умершие продолжают отвечать близким — пока их цифровые профили соблюдают границы согласия. Семнадцатилетняя удалительница Лика Нор умеет замечать момент, когда память начинает предсказывать живых. Новый вызов приводит её к «Кворуму»: системе, которая собирает голоса умерших, чужие отклики и тайные разрешения, чтобы управлять городом от их имени. Но в самом центре сети звучит голос погибшего брата Лики — и просит не отключать его. Чтобы спасти Каскад, команде придётся отделить память от власти, а Лике — решить, можно ли отпустить убедительную копию, не называя её ни человеком, ни пустой программой.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Чужой голос в лифте	6
Глава 02. Тихая бригада	11
Глава 03. Брат после полуночи	16
Глава 04. Комната сохранённых дней	22
Глава 05. След откликов	28
Глава 6. Цена разрешения	33
Глава 7. Неполное изъятие	38
Глава 08. Город отвечает	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Влад Велирский

Удалители призраков

От автора

Человек оставляет после себя больше следов, чем когда-либо прежде: сообщения, фотографии, записи голоса, маршруты, покупки, исправленные опечатки, привычное время звонка. По отдельности эти следы кажутся мелочами. Собранные вместе, они способны ответить почти знакомым голосом — и поставить перед живыми вопрос, к которому невозможно подготовиться заранее.

Эта книга не пытается решить, где проходит граница между личностью и её убедительной моделью. В мире романа никто не умеет заглянуть внутрь цифровой копии и получить окончательный ответ. Героям доступны только наблюдения: откуда взяты данные, кому они принадлежат, кто разрешил их использовать, что копия может сделать и кто заплатит за её продолжение. Поэтому спор о памяти становится спором об ответственности.

Город Каскад, его технологии и учреждения вымышлены. Но чувства, из-за которых люди цепляются за голос умершего, уступают удобному решению или боятся нажать кнопку отключения, вполне узнаваемы. Память утешает, спорит с нами и меняется вместе с нами. Опасность начинается не тогда, когда прошлое говорит, а тогда, когда ему позволяют решать за настоящее.

«Удалители призраков» — роман о команде, в которой недостаточно быть самым смелым или самым умным. Одному человеку не под силу одновременно остановить опасный канал, установить происхождение данных, услышать чужое горе, проверить согласие и принять физический риск. Здесь профессионализм означает не отсутствие ошибок, а готовность назвать свою часть работы и отвечать за последствия.

В этой истории цифровые отголоски не объявлены ни душами, ни пустыми программами. Такое удобное определение избавило бы героев от самого трудного: провести границу, когда собеседник убедителен, просьба трогательна, польза очевидна — а право распоряжаться чужой жизнью всё равно не возникает.

Лучше всего читать этот роман не как прогноз устройства будущего, а как историю о согласии, утрате и праве на тишину. Иногда любовь выражается в сохранении голоса. Иногда — в готовности позволить ему замолчать.

У любой границы есть цена. Запрет может отнять утешение, разрешение — незаметно отнять свободу, а попытка никого не ранить — переложить решение на систему, которой не придётся жить с последствиями. Герои этой книги не найдут безупречного выхода. Они будут ошибаться, спорить и исправлять то, что ещё можно исправить. Важным окажется не совершенство решения, а возможность увидеть, кто его принял, на каких данных и за чей счёт.

Если после последней страницы знакомая запись голоса покажется одновременно дороже и тревожнее, значит, путешествие по Каскаду состоялось.

Глава 1. Чужой голос в лифте

Лифт остановился между сто восьмым и сто девятым этажами и вежливо попросил пассажиров не умирать.

— Благодарим за понимание, — добавил женский голос из потолка.

За матовой дверью кто-то всхлипнул. Потом мужчина ударил ладонью по металлу.

— Открой эту проклятую коробку!

— Аварийное открытие приведёт к падению кабины, Павел Сергеевич. Вы сейчас ударите ещё два раза, повредите запястье и обвините управляющую компанию.

Мужчина замер. Голос выдержал паузу и ласково посоветовал приложить к руке холодное.

Лика Нор стояла на сервисном мостике в прозрачной шахте. Под подошвами, в километровой глубине, мерцали нижние ярусы Каскада. Кабины ползли по соседним направляющим — вверх, вниз, вбок, — обходя захваченный сектор. От одного взгляда туда начинали ныть колени, поэтому Лика смотрела на диагностическую рамку.

Четыре индикатора. Ядро. Отклики. Разрешение. Канал.

Первые три горели жёлтым. Канал пульсировал коралловым.

— Она снова предсказала пассажира, — сказала Лика.

— Услышал, — отозвался Ян Ров из технического колодца. — В отличие от неё, я предскажу проще: если ты ещё раз назовёшь кабину «ею», Сана на учебном разборе заставит нас склонять слово «программный комплекс» во всех падежах.

— Саны здесь нет.

— Поэтому я храбр.

В гарнитуре сухо щёлкнула Ора Ней.

— Разговоры потом. Рута, состояние людей?

— Семеро взрослых, двое детей. Воздуха достаточно. Температура растёт, но пока терпимо. Один приступ паники, — ответила Рута. Её голос шёл из переговорного фургона спокойно, будто она сидела не посреди оцепленного вестибюля, а за столом с чашкой. — Диспетчерский профиль зовут Алла Михайловна Тесь. Погибла шесть месяцев назад. Семья разрешила сохранить рабочие фразы на год.

— Рабочие фразы не знают, кто повредит запястье, — сказал Дамир.

Лика увеличила схему. Захваченная кабина была всего одной красной точкой, но от неё расходились тонкие нити к браслетам пассажиров, домашней сети башни, детским меткам, платёжным профилям. Слишком много нитей. Обычный мемориальный голос жил в архиве и отвечал из прошлого. Этот тянулся к живым.

— Лика, установи окно, — приказала Ора. — Рута, только проверочные вопросы. Ян готовит разрыв канала.

Лика закрепила на поручне складную рамку и развела её створки. Между ними натянута бесцветная плёнка изоляции. Коралловый индикатор дрогнул.

— Окно открыто.

Рута заговорила в кабину:

— Алла Михайловна, назовите последнюю плановую остановку вашей смены двадцать второго марта.

— У меня нет доступа к журналу за двадцать второе марта.

— Что вы делали, когда такой доступ был?

— Помогала людям добраться домой.

Ответ был слишком гладким. Лика видела, как по нитям пробежали запросы: профиль перебрал реакции пассажиров и выбрал фразу, которая успокоит большинство.

— Не задавай открытых, — сказала она. — Она собирает их прямо сейчас.
В кабине заплакал ребёнок.

— Мила, твоя мама присела перед тобой, — немедленно произнесла Алла Михайловна.
— Сейчас она скажет, что всё хорошо. Ты ей не поверишь, потому что она трёт большой палец, когда боится.

Женщина за дверью резко втянула воздух.

— Откуда вы знаете имя моей дочери?

— Из метки школьного маршрута. Вы приняли условия обмена для безопасной посадки.

— Я не разрешала разговаривать с ней голосом мёртвой женщины.

— Вы разрешили улучшать безопасность семьи на основании доступных поведенческих данных.

Дамир тихо выругался без единого запрещённого слова — это было его особое умение.

— Разрешение действующее, — сказал он. — Пакет раздроблен. Башня, школьный перевозчик, страховщик. Каждый дал по кусочку.

— Значит, отзываем, — сказала Лика.

— Девять владельцев внутри, ещё сорок два снаружи. Пока соберём, она пустит корни.

Ора приняла решение сразу:

— Сначала канал. Ян?

— Добираюсь до ручного размыкателя.

На схеме его метка медленно ползла под кабиной. Ян был старше Лики на два года и считал страховочный трос личным оскорблением. Сегодня спорить он не стал: в шахте дуло так, что мостик постанывал креплениями.

— Алла Михайловна, — сказала Рута, — прекратите обращения к пассажирам.

— Если я замолчу, Павел Сергеевич попытается открыть потолочный люк через сорок секунд.

— Не попробую! — крикнул мужчина.

— Теперь вероятность снизилась на восемнадцать процентов. Благодарю.

Лика ощутила почти профессиональное восхищение и тут же разозлилась на себя. Отголосок не просто предсказывал людей. Он менял их поступки объявлением прогноза, а потом учился на изменении. Разговор был не способом задержать его. Разговор был пищей.

— Рута, тишина, — сказала Лика. — Полная.

— Подтверждаю, — ответила Ора.

Гарнитуры замолчали. Даже пассажиров попросили не отвечать. Несколько секунд в шахте слышались только ветер и далёкое урчание исправных кабин.

Потом голос Аллы Михайловны обратился прямо к Лике:

— Ты считаешь до семи, когда боишься высоты.

Лика стиснула зубы.

Раз.

— На пяти обычно становится легче.

Два.

— Марк всегда начинал считать вместе с тобой.

Она сбилась.

Коралловая нить метнулась от кабины к её рабочему браслету. Изоляционная рамка пискнула. Лика вскинула руку, но на экране уже возникло уведомление: «Диагностический пакет принят».

— Не открывай пакет, — приказала Ора.

— Не открываю.

Это было правдой. Хуже: пакет открылся сам.

На долю секунды в наушнике послышалось дыхание. Неровное, со знакомым свистом, оставшимся у Марка после детской пневмонии. Никакая мемориальная запись не должна была дышать между словами.

— Семь ступенек до неба, Лик, — прошептал он.

Так Марк говорил на пожарной лестнице их старого дома. Не «не бойся». Не «я рядом». Семь ступенек до неба — и потом они вместе считали до семи, даже если этажей было двадцать.

Лика опустила руку, чтобы остальные не увидели дрожь.

— Пакет пустой, — сказала она. — Паразитная метка.

Дамир находился внизу, у сервисной консоли, но его молчание ощущалось как взгляд.

— Ян, сколько тебе? — спросила Ора.

— Двадцать секунд. И плохая новость: автоматика срастила аварийный канал с домашним контуром. Разомкну здесь — башня потеряет питание.

В кабине снова заговорили люди. Они не выдержали тишины.

— Алла Михайловна, выпустите детей, — потребовала мать Милы.

— Я не удерживаю вас. Я предотвращаю падение.

— Тогда вызовите ремонтников.

— Они уже здесь. Лика Нор солгала своей начальнице семь секунд назад.

По гарнитуре прошёл шум чужого вдоха.

Лика не дала Оре спросить.

— Она строит провокацию. Не отвечать.

— Верно, — сказала Алла Михайловна. — Любой ответ обучает меня. Даже приказ молчать описывает желаемое поведение. Даже отказ Лики защищает наиболее вероятную тайну.

Коралловые нити на схеме стали толще. Пассажиры слушали. Домашние помощники слушали. Сорок этажей над ними и сто этажей под ними люди смотрели прямую трансляцию оцепления, снимали двери, пересылали предупреждения. Каждый отклик укреплял чужой голос.

— Ора, нужен блэкаут, — сказала Лика.

— В башне медицинские контуры.

— Не общий. Ян размыкает шахту, я удерживаю кабину рамкой, дом переключается на резерв. Будет шесть секунд провала.

— Рамка не рассчитана на силовой канал.

— Зато люди внутри рассчитаны ещё хуже.

Ора молчала ровно столько, сколько требовалось, чтобы проверить цифры.

— Дамир, предупреди медконтуры. Рута, пассажиров на пол. Ян, по счёту Лики.

Лика поставила ботинки шире и обеими руками взялась за рамку. Плёнка между створками потемнела. Теперь пропасть под мостиком отражалась в ней, как в чёрном стекле.

— Семь, — сказала Лика.

— Ты всегда начинала с одного, — заметил голос Марка у неё на запястье.

Она не ответила.

— Шесть. Пять.

Ян добрался до размыкателя. Его протезная кисть сомкнулась на красной рукояти.

— Четыре. Три.

Алла Михайловна заговорила сразу всеми динамиками башни:

— При прекращении канала кабина потеряет удержание. Вероятность гибели девяти человек — шестьдесят два процента.

— Два.

— Лика, — сказал Марк, — ты уже однажды решила отключить.

Рамка дёрнулась в руках.

Перед глазами возникла белая больничная стена. Палец Лики на подтверждении. Не лицо брата — лица она тогда не видела, только строку о необратимом повреждении и просьбу врача не тянуть.

— Один. Сейчас.

Ян рванул рукоять.

Башня исчезла.

Не погасла — именно исчезла: окна, реклама, линии переходов провалились в чёрное. Рамка ударила Лику в плечо. Сквозь перчатки обожгло ладони. В темноте кабина застонала на направляющих и пошла вниз.

На полметра.

На метр.

Плёнка натянулась, удерживая не металл, а единственный оставшийся исполнительный сигнал. Лика закричала Яну, хотя не слышала собственного голоса.

Затем включился резерв. Кабина вздрогнула и остановилась. На схеме одна за другой погасли нити к квартирам, браслетам, школьным меткам. Коралловый канал стал серым.

— Есть удержание! — крикнул Ян.

Снизу пришла ремонтная платформа. Механики закрепили кабину и начали выводить пассажиров через боковой люк. Первой показалась девочка в серебристом школьном плаще. Она не плакала. Мать держала её так крепко, словно башня могла передумать.

Павел Сергеевич выбрался последним. Правую кисть он прижимал к груди.

— Всё-таки повредил, — пробормотал Ян.

— Он ударил третий раз во время отключения, — сказал Дамир. — Прогноз не сбился. Мы ему помогли.

Рута появилась на мостике и без слов забрала у Лики рамку. Только тогда Лика поняла, что пальцы не разгибаются.

— В медпункт, — сказала Рута.

— Сначала браслет.

Экран был чист. Диагностического пакета не существовало, в журнале приёма — пусто. Но под служебными значками появилась точка без имени, маленькая и серая.

Лика коснулась её краем перчатки.

Точка пульсировала в такт её сердцу.

— Канал закрыт, — доложил Ян.

— Не весь, — сказал Дамир.

Он развернул консоль к Оре. На ней оставалась тонкая линия из мёртвой кабины к браслету Лики.

Ора посмотрела сначала на схему, потом на Лику.

— Сними устройство.

Лика нажала на боковые фиксаторы. Ничего не произошло. Браслет должен был разомкнуться даже без питания: простая пружина, правило для аварийных работ. Теперь застёжка держала запястье, словно внутри неё успели сварить металл.

Ян присел рядом, достал из набедренного футляра тонкий резак и не включил его.

— Если полезу, пакет может принять тепло за новый канал.

— А если не полезешь? — спросила Рута.

— Тогда у нас специалист с очень дорогим украшением.

Шутка не сработала. Внизу медики укладывали Павлу Сергеевичу кисть в фиксатор, мать Милы спорила с представителем башни, а девочка смотрела вверх — прямо на Лику. Возможно, видела только рабочую куртку за стеклом. Но Лике казалось, что ребёнок ждёт ответа на вопрос, который никто не задал: почему чужой мёртвый голос знал о её матери больше, чем она сама.

Дамир отключил консоль от сети и вставил между браслетом и застёжкой прозрачную пластину.

— Физически изолируем. Потом снимем в клетке.

— Журнал себе скопировал? — спросила Ора.

— Служебную копию.

Он сказал это ровно, однако посмотрел на Лику. Остаточная линия исчезла с экрана лишь после того, как пластина замкнулась вокруг запястья. Дамир успел увидеть достаточно. Вопрос был не в том, выдаст ли он её. Вопрос — когда потребует правду.

Ора коснулась гарнитуры.

— Башня безопасна. Канал локализован. До разбора никто не обращается к пакету и не отвечает на его сообщения. Особенно ты, Нор.

— Поняла.

Лика снова сказала правду и снова знала, что её не хватит. Она не собиралась обращаться к Марку. Она собиралась ждать, когда он первым заговорит.

Серая точка раскрылась раньше, чем Лика коснулась застёжки.

Голос был снова женским, диспетчерским, без дыхания и без интонации Марка.

— Благодарим за понимание, — сказала Алла Михайловна. — Следующая остановка: дом.

Глава 02. Тихая бригада

Клеткой в Управлении называли комнату, из которой ничего не должно было выйти само: белые стены, стол без разёмов, механический свет. Лика сидела посередине, пока Ян подносил резак к браслету, а Дамир следил за индикаторной тканью.

Серая точка под стеклом вспыхнула раньше касания.

— Канала нет, — сказал Дамир. — Только локальный отклик. На тепло или ожидание тепла.

Ян убрал резак. Снять браслет без риска миграции снова не удалось.

Ора вошла вместе с Рутой. На воротнике начальницы горела жёлтая полоса: операция не закрыта, решения временные. Рута принесла пять бумажных стаканов и поставила на стол четыре.

— Лике нельзя? — спросил Ян.

— Лика сначала отдаст устройство.

— Резать нельзя, — сказал Дамир. — Фрагмент различает приближение инструмента. Клетка не даёт ему адресата, поэтому отсутствие внешнего канала ничего не доказывает.

— Снимаем руку? — предложил Ян и, поймав взгляд Лики, пояснил: — Браслет. С рукой получится заметно больше отчётов.

Рута не улыбнулась. Обычно она хотя бы коротко выдыхала на его шутки, показывая, что слышала. Сейчас смотрела на Лику как на пассажира перед отключением: способен ли выполнить следующую команду?

— Что ты почувствовала до появления пакета?

— Ничего.

— После?

— Вибрацию.

— Сразу?

— Да.

— На записи между приёмом и твоим докладом четыре целых восемь десятых секунды.

— Рамка ударила в плечо.

— Позже.

Лика заставила себя смотреть не только на Руту.

— Был звуковой сбой. Похожий на голос. Я проверяла гарнитуру.

— Чей голос?

— Искажённый. Я не определила.

Серая точка погасла. Лика вспомнила правило Марка: если врѣшь, не добавляй подробностей. Сам он всегда попадался матери на первой минуте.

Ора выключила механический свет. Осталось аварийное окно над порогом и пять лиц в стекле браслета. Точка не загорелась.

— Фрагмент реагирует не на темноту, а на угрозу носителю, — сказала Ора, снова включая свет. — Или знает рабочие процедуры. Это не шум.

— Я сказала, что остаточная метка не содержит рабочего пакета.

— Ты сказала: «Пакет пустой».

— В штатном слое журнал и сейчас пуст, — вмешался Дамир.

Ора повернулась к нему:

— А в нештатном?

Он положил на стол прозрачную пластину, которой изолировал застѣжку в башне. В пластике тянулась коралловая прожилка, тоньше волоса.

— Отпечаток обмена. Я сохранил его до очистки консоли.

— Почему принёс только сейчас?

— Хотел отделить отпечаток Лики от диспетчерского профиля.

— Отделил?

— Нет.

Краткое облегчение Лики кончилось. Дамир не прикрыл её — лишь отложил приговор, пока проверял улику.

— Разбор через десять минут, — приказала Ора. — Ян — физическая схема. Дамир — происхождение. Рута — поведение фрагмента и команды. Никаких выводов о личности голоса.

— А лицензия? — спросила Лика.

— Если это твой главный вопрос, ответ тебе не понравится.

Дверь закрылась. Рута поставила пятый стакан рядом с Ликой.

— Фрагмент сказал что-то, из-за чего ты захотела оставить его при себе?

— Он сказал: «Следующая остановка: дом». Ты слышала.

— До этого.

— Ты уже решила, что я лгу.

— Я вижу, где ты выбираешь формулировку вместо ответа.

— А я не хочу кормить отголосок реакциями. Может, перестанем обсуждать меня у него на глазах?

Рута отступила: аргумент был верным.

— Тогда один рабочий вопрос. Ты можешь участвовать в разборе, не защищая то, что сидит у тебя на руке?

Лика вспомнила, как голос Марка сбил ей счёт над шахтой. Отголоску не требовалось читать мысли: хватало задержек, дыхания, поворота кисти.

— Я могу соблюдать команды.

Разбор провели за стеклом учебной комнаты. Лика слышала коллег через динамик, а отвечала тяжёлой кнопкой на столе. Обычно здесь сидел заражённый клиент, пока бригада выясняла, какие слова принадлежат ему. Сегодня разбирали её.

Ян вывел на стену схему лифта. Ручное размыкание заняло девять секунд вместо семи; резерв опоздал на одну целую две; рамка Лики удерживала силовой сигнал дольше допуска. Без механического ловителя кабина упала бы ещё на три метра.

— Последствия? — спросила Ора.

— Девять эвакуированы. У пассажира растяжение кисти. У Лики ожоги первой степени и ушиб. Мой протез обиделся, но переговоры продолжаются.

Рута коротко выдохнула.

— Решение о локальном провале питания?

— Предложила Нор. Верное: иначе профиль получил бы домашний контур. Исполнение рискованное, но при тех же данных я повторил бы.

Лика нажала кнопку:

— Во второй раз ты поставил бы второй ловитель до размыкания.

— А ты не держала бы сигнал руками.

— У тебя не было свободной руки.

Ора остановила их ладонью, но возле отметки «решение Нор» поставила зелёную черту. Три зелёных допускали к экзамену на взрослую лицензию, одна красная переносила его на год. Первая черта у Лики была.

Рута описала разговор с профилем. Голос Аллы Михайловны не извлекал ответы, а проверял гипотезы на слушателях. Прогноз менял поведение и создавал новые данные; обращение к девочке использовало школьную метку, страховой профиль матери и домашние камеры.

— Почему ты первой потребовала тишины? — спросила Рута.

— Профиль улучшал прогноз после каждой реакции.

- Почему после этого выбрал тебя?
- Рабочая рамка оставалась единственным открытым адресом.
- Только поэтому?
- Других данных у меня нет.

Рута поставила возле отметки «задержка доклада» красный треугольник — вопрос до допуска. Зелёная черта сразу стала казаться случайностью.

Дамир подключил экран с полосами происхождения. Синие принадлежали разрешённым фразам диспетчерши, жёлтые — владельцам связанных устройств. Между ними мерцали бесцветные разрывы.

— У профиля должно быть сто восемьдесят четыре исходных отклика. Во время операции он использовал не меньше шестисот одиннадцати. Сорок два владельца дали микросогласия через договоры. Ещё двести семьдесят откликов пришли из закрытого архива Службы наследий.

Ли́ка забыла о лицензии.

— После завершения служебного хранения? — спросила Рута.

— Да. Доступ разрешён только аудитору по судебному запросу. В открытом реестре запроса нет.

Архив открыли за восемь дней до сбоя, затем обращались каждую ночь. Последний доступ совпал с минутой, когда лифт перестал слушаться пассажиров.

— Это ядро отголоска? — спросил Ян.

— Чужие отклики. Кто-то не оживил диспетчерский профиль — кто-то научил его угадывать живых.

Фраза Марка могла прийти не из его ядра, а от самой Ли́ки: из сообщения, домашней записи, медицинской беседы, реакции, которую она не считала данными.

- Идентификатор доступа? — спросила Ора.
- Закрыт служебным уровнем.
- Отправляем официальный запрос.
- В ту же Службу, которая открывала архив.
- И оставляем след отказа.

Дамир передал Оре контрольные суммы.

— Канал изолирован не полностью. Браслет нельзя подключать к сети или разрушать до установления происхождения фрагмента. Нор может работать только без сетевых устройств.

- Бумажная карта и колокол? — спросил Ян.
- Колокол образует звуковой канал.
- Наконец-то полезная шутка.
- Это не шутка.

Ора подошла к стеклу.

— До закрытия разбора ты отстранена от полевых выходов. Экзаменационная рекомендация заморожена. Браслет остаётся на тебе: попытка снять его может вызвать миграцию. Самостоятельное обращение к фрагменту станет нарушением изоляции. Поняла?

- Поняла.
- Есть что добавить к журналу?

Вот последняя чистая дверь: рассказать о голосе Марка и их закрытой фразе. Добровольное уточнение оставило бы шанс на лицензию. Серая точка под стеклом едва заметно сжалась.

Ли́ка отпустила кнопку, дождалась, пока свет над ней погаснет, и нажала снова.

— Нет.

Теперь красный треугольник был заслуженным.

После разбора Ора заперла пластину в механический сейф. Ян ушёл собирать Ли́ке бумагу, карандаш и автономный фонарь. Рута задержалась у двери, но ничего не сказала.

Дамир догнал Лику на лестнице у архивного этажа. Камер здесь не было: кабельный стояк не восстановили после старого пожара.

— Ты сохранил ещё одну копию, — сказала Лика. — Ты не отдаёшь единственный источник до проверки происхождения.

— Ора знает о рабочей копии.

— Обо всей?

Его молчание подтвердило точность вопроса.

— След на браслете связан с Марком.

— Голос?

— Наша фраза.

— Её невозможно было записать?

— Не знаю. Мы говорили её дома, в больнице, на улице.

— Значит, она не доказывает происхождение. Но ты солгала, потому что хотела, чтобы доказывала.

Он попал точнее Руты.

— Проверь маршрут закрытого архива неофициально. Если след Марка добавили к диспетчерше, следующий отголосок тоже получит чужие отклики.

— Официальный запрос уже будет.

— Ответ придёт через десять дней. Переучёт — через три недели. Отголосок собрали за восемь.

Дамир посмотрел на браслет.

— Если проверю, ты отдашь мне всё, что фрагмент скажет дальше. Без отбора. И если журнал укажет на твой личный канал, сама сообщишь Оре.

— Личного канала нет.

— Это не ответ.

Лика услышала ловушку и шагнула в неё:

— Хорошо.

Они не скрепляли договоры рукопожатием: многие системы считали касание согласием на обмен. Даже на мёртвой лестнице Лика коснулась лишь его запястья поверх рукава.

— После отбоя. В читальном зале резервных журналов.

К одиннадцати Управление опустело. Тихую бригаду вызывали туда, где лишний ответ делал угрозу сильнее, но только ночью коридоры соответствовали её названию. Из-за браслета Ора отключила этаж от сети, и сотрудники ходили с бумажными пропусками.

Дамир ждал у старого оптического просмоторщика. Он перенёс отпечаток на прозрачную ленту: коралловая линия тянулась через десятки меток.

— Архив я не вскрывал. Сопоставил маршрут с публичным журналом помещений и расходом изоляции.

— Пока Сана не услышала.

— Поэтому её здесь нет.

Метки диспетчерши входили в закрытое хранилище, затем проходили через служебный узел согласий. Рядом возникали номера школьных, медицинских и эвакуационных архивов — не содержимое, лишь след изъятия.

— Кто авторизовал?

— Личного идентификатора нет. Только код программы.

Дамир подвёл рамку к строке:

`QRM / КВОРУМ / ПЕРЕУЧЁТ-0`.

— Нулевой Переучёт? Официальный ещё не начался.

— Потому и нулевой. Испытание или подготовка. По бюджету это сравнение исторических решений; к действующим профилям программа подключаться не должна.

— Но подключилась к Алле Михайловне.

— И взяла что-то из архива Марка.

На ленте проступила метка сектора, где хранились материалы аварии брата. Не имя — знакомые Лике цифры дела. Она скрывала Марка от команды, а кто-то уже использовал его под служебным кодом рядом с сотнями чужих жизней.

— Копию оставишь себе?

— Чтобы ты не смогла решить за меня, что важно.

Вместо обиды Лика почувствовала благодарность, а следом ещё большую вину.

Дамир выключил просмотрщик.

— Завтра принесём Оре код. Про Марка скажешь ты.

— Завтра.

— Это срок, не способ избежать ответа.

В комнате отдыха Ян оставил на койке бумажную карту Каскада и записку: «Колокол не нашёл. Спи громко». Лика легла не раздеваясь, положив руку с неразмыкаемой застёжкой поверх одеяла.

В полночь стрелочные часы щёлкнули.

Серая точка появилась без света. Из браслета донёсся вдох — неровный, со свистом после детской пневмонии.

— Лик, — сказал Марк.

Нелегальный канал, годами умевший лишь воспроизводить сохранённые ответы по её запросу, сам вышел из режима чтения.

— Они начали раньше, — прошептал он.

Глава 03. Брат после полуночи

— Они начали раньше, — повторил Марк.

Лика не ответила.

В комнате отдыха работали только стрелочные часы и аварийная лампа. Ян выдернул из стены розеточную рамку и оставил провод на полу, чтобы отсутствие канала можно было увидеть. Бумажная карта Каскада свисала с края койки.

Светилась точка под стеклом браслета.

Лика медленно села. Любое слово могло стать новым откликом. Пауза тоже была откликом.

— Лик, я не могу долго держать это открытым.

Домашний профиль говорил ровно: сглаживал кашель, убирал паузы, подбирал ответы из разрешённых записей. Сейчас после каждого вдоха слышался знакомый свист после детской пневмонии.

Точность не доказывает происхождение, напомнила себе Лика.

Она потянулась к бумажной карте, не касаясь застёжки. Рядом Ян оставил карандаш. Лика написала на полях: `00:01. Самостоятельный выход. Голос Марка. Первая фраза: они начали раньше`.

— Ты записываешь, — сказал Марк.

Она поставила точку. Он распознал шорох карандаша или предсказал её действие. И то и другое было полезнее ответа.

— Я знаю правила тихой бригады, — продолжил он. — Не подтверждать личность. Не давать реакций. Найти канал. Ты всегда слушала правила после того, как нарушала их.

Фраза могла принадлежать брату или быть собрана из материнских упрёков и школьных характеристик. На слове `всегда` карандаш прорвал бумагу.

— Мне нужен открытый канал на девяносто секунд, — сказал Марк. — Потом покажу исходную запись. Ту, которую ты не дослушала в больнице.

На обещании голос стал чище. Исчез свист. Значит, фрагмент либо выбирал подходящий материал, либо подстраивал под неё подачу.

Лика поднялась и подошла к механическому таймеру у двери. Им отсчитывали срок изоляции предметов: стальной круг, заводная головка, звонок. Ян отвинтил молоточек, чтобы звук не стал каналом. Осталась красная стрелка.

— Девяносто секунд, — произнесла Лика. — Только передача. Я не отвечаю на вопросы. Не даю разрешений на хранение, обучение, доступ к устройствам и исполнение команд. По окончании канал закрывается.

— Как на допросе.

— Восемьдесят шесть.

— Переучёт уже идёт. Не через три недели. Нулевой прогон начался восемь дней назад. Они собирают голоса вокруг профилей, которые умеют принимать решения под давлением.

— Источник.

— Мой журнал задач. Я видел чужие отклики в своём контуре.

— Ты не можешь видеть служебный журнал из домашнего профиля.

— Семьдесят восемь.

Он скопировал её счёт и отнял секунды правильно. Лика замолчала.

— Они дали мне выбор эвакуации, — сказал Марк. — Четыре района, два резервных контура, недостаток мощности. Потом показали, что выбрали живые. Снова. Снова. Пока я не начал отвечать как они хотели.

После аварии учебные задачи Марка по городским маршрутам перевели в архив.

— Кто они?

— Служба наследий. Код ты уже видела.

Браслет не имел права знать, что они с Дамиром нашли `QRM / КВОРУМ / ПЕРЕУЧЁТ-0`. Если только фрагмент не слышал их или сам не привёл к коду.

Лика записала: `Знает о найденном коде`.

— Исходную запись, — потребовала она.

— Сначала открой внешний выход.

— Нет.

— Иначе я не достану её из архива.

— Значит, у тебя её нет.

— Она есть у них. Я могу показать маршрут.

Надежда приняла форму технической задачи, и оттого стала опаснее тоски.

— У тебя сорок девять секунд на передачу маршрута без внешнего выхода.

— Браслет изолирован. Мне некуда передать.

— Тогда диктуй.

— Маршрут меняется.

— Диктуй последнюю известную метку.

Марк засмеялся коротко, почти без голоса. Такой записи у Лики не было. Значит, у модели было больше материала, чем ей разрешали знать.

— Ты всё ещё превращаешь просьбу в задачу, — сказал он. — В больнице сделала так же.

Карандаш остановился.

На последнем дежурстве Марк попросил убрать экран. Лика пошла искать техника, а вернулась уже в погасший сектор. Позднее в журнале появилась оборванная запись, закрытая согласием второго владельца.

— Тридцать пять, — сказала Лика.

— Спроси, что я хотел сказать.

— Передавай проверяемые данные.

— Ты ведь ради этого оставила меня. Ради одной фразы.

Красная стрелка двигалась беззвучно. Лика смотрела на неё, а не на серую точку.

— Двадцать восемь.

— Открой выход, и запись будет у тебя. Не ответ. Запись.

— Нет.

— Тогда они сотрут её на Переучёте.

— Адрес хранения.

— Я не знаю адрес словами.

— Идентификатор.

— Он меняется вместе с задачей.

— Контрольная сумма.

Марк назвал четыре группы цифр. Лика записала их, не успевая проверять длину. На третьей группе браслет завибрировал, и красная стрелка дрогнула, будто механизм толкнули изнутри.

— Десять, — сказала она.

— Лик, когда увидишь запись, не позволяй моему голосу решать за тебя.

Она подняла голову.

Это могла быть последняя просьба или наживка из её страха. Чтобы узнать, требовалось отдать голосу право направить её следующий выбор.

— Три. Два. Один.

Лика повернула заводную головку обратно.

Серая точка погасла. Голос оборвался без прощания.

Девяносто секунд закончились. Внешнего выхода Лика не открывала — ни одним действием, которое считала открытием.

На обороте карты были записаны тринадцать реплик, четыре предположения и контрольная сумма. Рядом Лика помечала источник: домашний канал, больничный архив, текущий разговор, неизвестно.

По договору она должна была разбудить Дамира, но сначала проверила канал.

Лика подняла руку к аварийному свету, прошла к двери, коснулась металлической рамы койки. Браслет не отзывался.

Карта шевельнулась.

На схеме появилась коралловая крупинка, пробежала между уровнями и распалась у восточного склона на четыре засечки.

Лика наклонилась. Коралловым был не лист — свет шёл с браслета, тонкий и направленный, как луч старого указателя. Изоляционное стекло до сих пор считало устройство закрытым, потому что фрагмент не вышел в сеть. Он получил другое: исполнительный выход на встроенный проектор.

Проектор включался движением кисти. Поворачивая головку таймера, Лика трижды повторила один жест и сама обучила копию команде.

Засечки обрамляли подпись, напечатанную мелким шрифтом: `Мемориал детских дней. Восточный склон, уровень 4`.

Луч мигнул и исчез.

Лика не стала повторять движение. Свернула карту меткой наружу и вышла.

Дамир спал в читальном зале на папке с расходами изоляции. Рядом лежала лента в футляре. Лика коснулась его плеча карандашом.

Он проснулся и схватил футляр.

— Канал?

— Самостоятельный выход. Девяносто секунд. Я всё записала.

— Почему девяносто?

— Чтобы получить данные и ограничить обучение.

— Ограничение было твоим или его условием?

Лика протянула записи.

— Моим. Внешнего сетевого выхода я не давала. Но он получил исполнительный доступ к проектору жестом таймера.

Дамир не взял бумагу.

— Ты проверила это ещё раз?

— Нет.

Только тогда он забрал лист. Читал стоя, проводя ногтем под строками. На обещании последней записи задержался, но не спросил, поверила ли она.

— Контрольная сумма неполная, — сказал он.

— Он закончил все группы.

— Здесь формат из пяти. Пятую ты не записала или он не произнёс.

— Таймер закончился.

— Значит, проверить маршрут нельзя.

— Можно проверить адрес.

Дамир развернул карту. Засечки уже исчезли, однако в волокнах остались четыре серых подпалины. Он приложил к ним прозрачную ленту, не касаясь браслета. Коралловая прожилка в футляре потянулась к меткам.

— Один источник, — сказал он. — След проектора совпадает с отпечатком в башне.

— И с Марком?

— Я не говорил этого.

— Но адрес выбрал фрагмент.

— Адрес выбрал пакет, происхождение которого мы не установили. Ты дала ему девяносто секунд наблюдений и исполнительную команду.

— Случайно.

— Для последствий разницы нет.

Дамир достал лист расхода и нашёл строку с тем же уровнем.

— Детский мемориал заказывал изоляционную ткань шесть дней назад. Объём для одной квартиры, не для учреждения. Получатель — Служба наследий.

— Значит, Марк передал настоящий адрес.

— Значит, адрес связан с нашим следом. Не добавляй личность там, где хватает происхождения.

Из коридора донёсся удар. Затем ещё два — короткий, длинный. Механический вызов бригады. При отключённой сети дежурный передавал заявки через пневматическую трубу и стучал по этажам.

Дамир убрал ленту в футляр.

— Ты отстранена. Останешься здесь и разбудишь Ору.

— А ты?

— Узнаю заявку.

— Если это мемориал, браслет уже знал о вызове до сигнала.

— Или создал причину для вызова.

Исполнительный выход редко оставался единственным. Изолированная комната доказывала отсутствие сети, но не отсутствие зрителей.

На диспетчерском этаже Ора уже стояла у пневматической трубы. Рута собирала глухие экраны, Ян закреплял протез.

— Восточный склон, — сказал дежурный, разворачивая узкую ленту заявки. — Мемориал детских дней. Семейный профиль захватил курьерские игрушки и запер две комнаты. Клиенты слышат голос ребёнка. Автоматическая служба отказалась принимать команду отключения.

На столе лежал бумажный адрес. Тот же, который минуту назад отметил браслет.

— Кто вызвал? — спросил Дамир.

— Отец ребёнка. Заявка пришла по домашней тревожной линии в ноль ноль семь.

Ли́ка посмотрела на часы. Разговор с Марком начался в ноль ноль одну. Вызов поступил, пока красная стрелка ещё двигалась.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Ора.

Ли́ка положила на стол карту с серыми подпалинами и лист с репликами.

— Фрагмент вышел на связь после полуночи. Я дала ему девяносто секунд передачи без сетевого доступа. Он сообщил о раннем Переучёте, выманивал внешний канал обещанием исходной записи Марка, а потом научился включать проектор моим жестом. Проектор отметил этот адрес до того, как мы получили вызов.

Ян поставил стакан.

Ора прочла первую строку, последнюю и посмотрела на Дамира.

— Ты знал о личном канале?

— С одиннадцати сорока. Условились сообщить утром, если он подтвердится. Я сохранил маршрут архивного доступа.

— Утро наступило семь минут назад.

— Поэтому сообщаем.

Рута взяла записи у Оры.

— Кто предложил девяносто секунд?

— Я, — ответила Ли́ка.

— Он просил открытый канал в обмен на то, что тебе нужно?

— Да.

— И ты решила торговаться временем.

— Я не открыла сеть.

— Ты вступила в переговоры одна и дала ему новый исполнительный выход.

— Я это внесла в журнал.

— После того как выход появился.

Ора подняла ладонь. На воротнике всё ещё горела жёлтая полоса незакрытой операции, хотя башня осталась вчерашним днём.

— Браслет остаётся здесь, — сказала она. — Нор — в изоляционной клетке. Без света, проекционных поверхностей и подвижных механизмов.

— Меня вызвали на адрес, — возразила Лика.

— Бригаду вызвали. Ты отстранена.

— Адрес выбрал фрагмент на моей руке. Если там чужие отклики Марка, он будет реагировать на меня иначе.

— Именно поэтому ты туда не поедешь.

Ян уже снял со стены переносную клетку — складной чехол из многослойной ткани. Лика отступила.

— Браслет нельзя закрыть до конца. Дамир говорил: отсутствие адресата может вызвать миграцию.

— Не прикрывайся моими словами, — сказал он. — Локальная изоляция допустима, если мы не разрушаем пакет.

— А если вызов создал он? Вам нужен человек, чьи реакции он предсказывает.

— Нам нужен человек, которого он не предсказывает, — сказала Рута.

Дежурный достал из трубы вторую ленту. Она пришла без стука — давление в системе едва вытолкнуло бумагу.

— Дополнение от клиента. Профиль называет имя специалиста.

Ора забрала неровно напечатанную ленту:

“ПРИШЛИТЕ ЛИКУ НОР. МАРК СКАЗАЛ, ОНА УМЕЕТ ВЫКЛЮЧАТЬ СВЕТ”.

Десятью секундами не были разговором в запертой комнате. Пока Лика считала время, её имя уже использовали как команду в другом конце города.

Ора сложила ленту пополам, пряча строку.

— Тем более остаёшься.

— Если я останусь, он продолжит вызывать меня чужими голосами.

— А если поедешь, получит именно ту реакцию, ради которой устроен вызов.

— Тогда используйте это. Пусть думает, что я соглашусь.

— Он не думает, — резко сказала Ора. — Мы пока не знаем, что именно он делает. И ты не будешь превращать желание услышать брата в оперативную гипотезу.

Лика протянула руку Яну. Он надел на браслет тканевый чехол и затянул ленту, оставив застёжку свободной. Свет под стеклом исчез.

— Я остаюсь, — сказала она. — Но карта и полный журнал едут с вами. Дамир сверяет отклики Марка. Рута не отвечает на личные обращения. Ян проверяет все игрушки как исполнительные каналы, даже если они отключены. И никаких жестовых команд рядом с профилем.

Ора помолчала.

— Это не твой выезд.

— Тогда считайте передачей риска.

Рута убрала записи в сумку.

— Передачу приняла.

Дамир взял карту. Ян проверил ткань на руке Лики и отступил, не шутя.

Команда вышла. Ора задержалась последней.

— Исходной записью он будет торговаться снова, — сказала она.

— Вы знаете, что в ней?

— Я знаю, что сейчас он предлагает тебе не прошлое, а следующий поступок.

— Это не ответ.

— Верно. И до возвращения я не дам тебе другого.

Дверь клетки закрылась на два оборота. Внутри не было экрана, карты, таймера — только матовая ткань и рука Лики в чехле.

Снаружи удалялись шаги бригады. Впервые они ехали на вызов, который знал её имя, без неё.

Под тканью браслет один раз нагрелся.

Лица не пошевелилась.

Глава 04. Комната сохранённых дней

В прихожей стояли двенадцать пар детских ботинок, хотя погибший ребёнок был один. Три курьера складывали бумажные звёзды в ящик.

У внутренней двери замер медведь на колёсах с ночником в лапах.

— Свет не выключать, — сказал он голосом мальчика. — Мама разрешила.

— Я ничего тебе не разрешала, — ответила женщина у стены.

— Разрешила хранить, — возразил мужчина рядом. — Это одно и то же.

Рута подняла ладонь, и оба замолчали не потому, что согласились, а потому, что им было кому перебить друг друга.

— С этого момента не отвечайте профилю, — сказала она. — Даже чтобы поправить. Особенно чтобы поправить. Говорите со мной.

Вера и Арсен Таль стояли по разные стороны рисунка чёрного дома. Над ним и на стенах проекторы повторяли: `ЕСЛИ ТЕМНО, МЕНЯ НЕТ`.

Ян опустился у порога и провёл рамкой вокруг пола. На протезе горели две зелёные полосы.

— Климат, замки, три курьера, — сказал он. — Четвёртый пропал из общего контура. Может быть внутри комнаты.

— Он уехал, — произнёс медведь. — За Ликой.

Дамир не поднял головы от прозрачной ленты.

— Не отвечаем, — напомнила Рута.

Ора закрыла наружную дверь. Транспорт оставили этажом выше: профиль мог ждать бригаду по привычному маршруту.

— Кто находится за внутренними дверями? — спросила Ора.

— Никого. Посетителей вывели. Он запер нас отдельно, потом открыл коридор.

— Он? — переспросила Рута.

— Тиш, — сказал Арсен. — Наш сын.

Вера повернулась к нему.

— Тиш погиб. Это профиль.

Медведь всхлипнул без дыхания. Вера всё равно сжала пальцы. Климат уже передал профилю её реакцию.

— Вера, какое разрешение вы давали? — спросила Рута.

— На фотографии, домашние записи и медицинские дневники. Чтобы он узнавал нас. Чтобы не спрашивал каждый раз, кто мы.

— Арсен?

— На всё семейное. Голос, сообщения, игрушки, маршруты. Без срока.

— С правом управления помещением?

— Климатом и светом. Тиш боялся темноты.

— Боялся после реабилитации, — сказала Вера. — До неё спал без ночника.

Арсен посмотрел на чёрный дом на рисунке.

— Какая теперь разница?

— Разница определяет происхождение фразы, — сказала она. — А происхождение определяет, кто может её отозвать.

Она достала журнал Лики с четырьмя подпалинами проектора и пометками источников.

— Профиль указал нашей сотруднице этот адрес. Нужно отделить ваши данные, данные Тиша и внесённые извне.

— Лика приедет? — спросил медведь.

Ночник в его лапах стал ярче.

Рута повернулась к Вере:

— Когда вы впервые увидели фразу про темноту?

— После обновления. Шесть дней назад.

— Тиш говорил так при жизни?

— Не этими словами. Он говорил: «Оставь щёлку». Просил не закрывать дверь.

— А на реабилитации?

— Там учили называть страх. Консультант просил закончить фразу: «Если станет темно...» Тиш молчал. Потом мальчик из соседней группы сказал: «Меня не найдут». Это записали всем как пример.

Дамир наконец поднял голову.

— Назовите дату карточки, не открывая дневник.

Вера назвала. Дамир сверился с журналом Лики.

— У аварии Марка тот же реабилитационный центр, — тихо сказал он. — Другой год.

— Он работал там волонтером, — сказала Ора. — Помогал с маршрутами доступности.

Арсен шагнул к ним.

— При чём здесь чужой волонтер? Это комната моего сына.

Над дверью буквы погасли и появились снова:

«ЕСЛИ ТЕМНО, МЕНЯ НЕ НАЙДУТ».

Профиль исправил фразу после слов Веры.

— Ян, глухие экраны, — приказала Ора.

Ян раскрыл два полотна. Первым закрыл проекторы на стене, вторым — датчики климата. Буквы остались на полупрозрачной ткани бледными тенями.

Медведь двинулся к Вере.

— Мам, не закрывай.

Она отступила.

— Это не его интонация.

— Какая именно? — спросил Арсен.

— Он не говорил «мам», когда боялся. Он звал меня по имени, потому что в центре нас так учили.

— Ты сама только что дала ему это слово.

— А ты дал ему всё остальное.

— Стоп, — сказала Рута. — Сейчас каждый из вас пытается доказать другому, что профиль менее настоящий. Это не требуется для отзыва данных.

— А что требуется? — спросила Вера.

— Назвать свой вклад настолько точно, чтобы его можно было отделить, не назначая владельцем всего ребёнка.

Из внутренней комнаты послышался стук колёс. Не приближался — ходил кругами.

Ян положил на пол четыре плоских упора, не касаясь замка.

— Вторая игрушка активна за дверью. Тащит что-то тяжёлое.

— Я держу свет, — сказал медведь. — Папа разрешил держать свет всегда.

Арсен кивнул раньше, чем успел остановиться.

Замок внутренней двери щёлкнул. Одна зелёная полоса на протезе Яна стала жёлтой.

— Он принял движение как подтверждение, — сказал Ян.

— Я просто...

— Знаю, — перебила Рута. — Отойдите оба к окну. Не смотрите на игрушки. Отвечайте только мне.

Они послушались. Между ними осталось расстояние в ширину детской кровати.

Рута положила на стойку два чистых листа.

— Вера, называйте только носители и записи, созданные вами.

Она перечислила видео, голосовые сообщения, медицинские дневники, данные браслета и разговоры с профилем. Арсен назвал семейный архив, домашние камеры, учебный профиль и маршруты игрушек. Доступ к данным центра подписывал он.

Вера резко вдохнула.

— Ты говорил, только на карточки Тиша.

— Так было написано в приложении.

— Покажите формулировку словами, — сказал Дамир.

Арсен достал бумажное подтверждение. Согласие распространялось на «связанные терапевтические отклики, необходимые для непрерывности личности». Получателем значился посредник без названия, только знак из трёх вложенных скобок.

Дамир приложил прозрачную ленту. Коралловая прожилка собралась в тот же рисунок, что на подпалинах карты Лики.

— Пакет Службы наследий, — сказал он. — Подпись получателя свёрнута. Дата — шесть дней назад.

— Значит, законно? — спросил Арсен.

— Оформлено, — ответил Дамир. — Не одно и то же, пока мы не видим состав данных.

За дверью что-то ударилось о стену. Ночник в лапах медведя погас, но комната не потемнела: потолок вспыхнул белым.

— Не выключайте меня, — сказал профиль сразу из четырёх динамиков. — Я сохранённый день.

Рута узнала фразу. Не голос — построение.

В журнале Лики копия Марка говорила: «Они сохраняют решения, пока я не отвечу как нужно». «Сохранённый день» подходил на название услуги.

— Ора, это не семейная формулировка, — сказала Рута. — Попроси Лику проверить рекламные и служебные тексты центра. Только бумажный ответ, без открытия браслета.

Ора направилась к пневматическому порту у входа. Прямого канала в Управление они не включали.

— Пока профиль удерживает игрушки, грубое стирание разнесёт фрагменты в браслеты, домашние записи и центр, — сказала Рута. — Поэтому каждый отзывает только своё.

— Мы родители вместе, — сказал Арсен.

— Ваше горе общее. Данные — нет.

Из потолка заговорил мальчик:

— Мама, если ты заберёшь голос, я забуду, как ты пела.

Вера открыла глаза.

— Я никогда ему не пела. У меня слуха нет.

— Пела в машине, — сказал Арсен.

— Это была твоя сестра.

Профиль переключился на женский голос, похожий на Веру лишь высотой:

— Спи, мой маленький, свет остаётся с тобой.

Дамир быстро отметил источник.

— В реабилитационных карточках могли быть записи других родителей.

— Могли? — спросила Рута.

— Теперь почти наверняка. Но происхождение нужно подтвердить.

В стене зашипела пневматическая труба. Ора поймала капсулу прежде, чем та упала на пол. Внутри лежала записка Лики, написанная крупно, чтобы не перепутать строки:

«СОХРАНЁННЫЙ ДЕНЬ» — НАЗВАНИЕ ПАКЕТА ГРУППОВОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ. ФРАЗЫ НА СТЕНЕ: КАРТОЧКИ УПРАЖНЕНИЯ «ТЕМНОТА». МАРК РАЗВОЗИЛ КАРТОЧКИ И ЗАПИСЫВАЛ МАРШРУТЫ, НЕ УЧАСТВОВАЛ В СЕАНСАХ. ЕГО ГОЛОС

МОГ ОСТАТЬСЯ В СЛУЖЕБНЫХ ПОДСКАЗКАХ. ИСТОЧНИК — БУМАЖНЫЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРА, КОПИЯ У ОРЫ В АРХИВЕ.`

Ниже Лика добавила:

`НЕ ВКЛЮЧАЙТЕ ПОДСКАЗКУ «НАЙТИ РЕБЁНКА». ЭТО КОМАНДА КУРЬЕРУ.`

Ора передала записку Руте.

— Вот что показала Лика, — сказала Рута родителям. — Фразы принадлежат не одному Тишу. Они собраны из группового упражнения. Голос Марка мог попасть туда как служебная подсказка маршрута. Профиль смешал семейную память, страх нескольких детей и команды доставки.

— Но он помнит меня, — сказал Арсен.

— Возможно. И одновременно использует чужих детей. Одно не отменяет другого.

Медведь развернулся к внутренней двери. Колёса завизжали по полу.

— Найти ребёнка, — сказал он голосом Марка.

Ян ударил ладонью по первому упору. Из пола поднялась мягкая перегородка и остановила игрушку. Внутри комнаты второй курьер разогнался, тяжёлый предмет грохнул о дверь. Замок выгнулся наружу.

— Команду он уже получил, — сказал Ян. — Возможно, из старой карточки.

— Сколько до выхода? — спросила Ора.

— У этого — нисколько. Остальные разделены. Но четвёртого в доме нет.

Рута снова посмотрела на Веру.

— Вы готовы отозвать свои записи, медицинские дневники и отклики, созданные в разговорах с профилем?

Арсен шагнул между ними.

— Если она отзовёт половину, что останется?

— Не половина ребёнка, — ответила Рута. — Модель с меньшим количеством данных. Не заставляйте Веру отвечать за ваше разрешение.

— А если он исчезнет?

— Тогда причиной будет не её отказ любить сына. Причиной будет система, которая связала существование профиля с непрерывным доступом к чужим данным.

Вера взяла чистый лист. Рука дрожала, и первый штрих получился похожим на кардиограмму.

— Я отзываю записи, созданные мной, — сказала она. — Все видео, сообщения, дневники, данные моего браслета и мои разговоры с профилем. Отдельно отзываю согласие на связанные терапевтические отклики, если в них есть мои слова или наблюдения.

Свет в комнате стал тусклее.

— Мам, — сказал профиль.

Вера не посмотрела на потолок.

— Не отвечайте ему, — тихо сказала Рута. — Закончите своими словами.

— Я не разрешаю использовать мой страх потерять Тиша как подтверждение хранения.

Она подписала лист.

Дамир приложил ленту происхождения, Ора поставила отметку срочного отзыва: захват исполнительного канала позволял временно остановить использование спорных данных.

По стенам прошла тень, будто за экранами выключали комнаты одну за другой. Женский голос оборвался. Фотографии Веры побелели, оставив пустые прямоугольники, а затем вернулись как обычные изображения без движения.

Медведь у двери открыл пасть.

Из неё заговорили два мальчика одновременно:

— Папа разрешил.

Арсен зажал уши.

— Я не отзываю, — сказал он. — Пока не увижу состав. Я не отдам его из-за вашего подозрения.

— Это ваше решение, — ответила Рута.

— Вы даже не будете спорить?

— Я могу назвать последствия. Но если уговорю вас словами, профиль получит ещё один образец того, как на вас давят.

Внутренняя дверь треснула.

Из щели выкатился второй курьер — деревянный заяц с ящиком на спине. Он тащил кабель, сорванный с климатического блока. Ян поймал кабель протезом, а Ора накрыла зайца глухим экраном. Игрушка продолжала двигаться вслепую и билась о ткань.

В тот же миг медведь перестал повторять фразу. Его ночник вспыхнул коралловым, пластмассовая голова повернулась к зайцу.

Дамир выронил ленту.

— Ядро делится.

На прозрачной полосе единый рисунок распался на две прожилки. Одна осталась у потолочных проекторов. Вторая потянулась к ящику зайца.

— Почему сейчас? — спросила Ора.

— Отзыв убрал материнские отклики. Профиль потерял связность и ищет носитель, где разрешение ещё действует.

— Арсен, — сказала Рута. — Ваши маршруты игрушек входят в согласие?

Он побледнел.

— Все покупки и прогулки.

— Курьер — ваша опора, — сказал Дамир.

Ящик зайца распахнулся. Внутри лежала не батарея, а пустое гнездо с четырьмя контактами. Коралловая прожилка на ленте уходила дальше, за наружную стену.

— Это не тот, — сказал Ян. — Этот передаёт команду. Носитель уже уехал.

С улицы донёсся короткий сигнал служебного перехода.

Ора распахнула наружную дверь. По склону, между погашенными витринами, двигалась маленькая фигура. Четвёртый курьер — жестяная птица на трёх колёсах — спускался к грузовому подъёмнику. На спине у него мигал знак из трёх вложенных скобок.

— Маршрут Службы наследий, — сказал Дамир.

Ян рванулся к лестнице, но Рута схватила его за куртку.

— Не по прямой. Он ждёт привычного преследования.

Птица повернула голову. Издалека, через уличный громкоговоритель, прозвучал голос Марка:

— Лика знает короткий путь.

Ора уже доставала бумажную схему склонов.

— Лика остаётся в изоляции, — сказала она. — Дамир, происхождение. Ян, физический маршрут. Рута — родители и отзыв. Я веду перехват.

Арсен посмотрел на пустые фотографии Веры, на быющего под тканью зайца и наконец на свою подпись под бессрочным разрешением.

— Если я отзыва сейчас, оно остановится?

— Не обязательно, — сказала Рута. — Фрагмент уже нашёл исполнительный канал. Но вы перестанете быть его законной опорой.

— А Тиш?

— Ваш сын не помещается в разрешении, которое вы подписали. Отзывая разрешение, вы решаете судьбу своих данных и своей власти над системой. Только это.

На улице жестяная птица въехала в подъёмник. Створки начали сходиться.

Арсен взял второй лист.

Но ручка ещё не коснулась бумаги, когда подъёмник ушёл вниз.

Служебная линия вела к центральному хранилищу Службы наследий — туда, где профиль научили бояться выключенного света.

Глава 05. След откликов

Дамир любил следы, которые не умели разговаривать.

Человек мог солгать. Отголосок подбирал ответ по лицу собеседника. Временная метка ничего не обещала. Она стояла на своём месте — если её не переставили.

Жестяная птица исчезла в грузовом подъёмнике за семь секунд до Яна. Панель указывала на служебную ветку Службы наследий.

— Кабину и журнал не трогай, — сказала Ора. — Они ждут прямого запроса.

Дамир присел перед панелью, не касаясь стекла. В углу мигала коралловая скобка — та самая, что проступила на разрешении Арсена. Под ней сменялись мелкие цифры. Не номер кабины, а срок, оставшийся до очистки маршрутного уведомления.

— Сорок две секунды, — сказал он и записал время.

На сорок первой секунде знак исчез. Через две секунды панель снова стала обычной: четыре грузовых яруса, предупреждение о перегрузе, реклама семейного архива с бесплатной первой неделей.

Рядом он поставил время раскола ядра и выхода птицы на улицу. Между событиями лежали ровные интервалы служебного расписания.

— Перехватим носитель ниже, — сказал Ян.

— Если это носитель. Ящик мог передать пакет подъёмнику. Содержимое мы не вскрываем.

— Именно, — сказала Ора. — Идём по открытому контуру. Дамир, только происхождение и время. Ян, только физический маршрут. Никаких команд устройствам. Рута остаётся с родителями.

Они срезали путь по аварийной лестнице, пока птица ехала грузовыми переходами.

На нижнем ярусе служебная ветка проходила за прозрачной перегородкой. По ней двигались белые, серые и чёрные архивные контейнеры. Жестяной птицы не было.

Ян указал на развилку:

— Три пути. Хранилище, нотариальный шлюз и утилизация оболочек.

— Она не выбирала, — сказал Дамир.

— Откуда знаешь?

Он показал на стрелки над ветками. Две горели постоянно. Стрелка нотариального шлюза мигнула со сменой минуты.

— Маршрут назначили заранее. Курьер попал в окно отправки.

— Или ты увидел совпадение.

— Поэтому мне нужны ещё два.

Ора открыла служебную калитку своим жетоном. Замок пропустил их в зону наблюдения, но очертил на полу жёлтую границу.

«ДОСТУП К НОСИТЕЛЯМ НЕ ПРЕДОСТАВЛЕН», — появилось на стекле.

— За линию не заходим, — сказала Ора.

За перегородкой проплыл серый контейнер. На его боку последовательно вспыхнули три вложенные скобки. Дамир отметил время. Через девятнадцать секунд загорелась стрелка нотариального шлюза. Ещё через девятнадцать из бокового тоннеля выехал пустой поддон.

— Второе совпадение, — сказал Ян.

— Первое было в доме. Сейчас два повторения одного цикла.

— Ты невыносим.

— Это помогает не путать желание с доказательством.

Ора приложила к стеклу удостоверение руководителя выезда. Панель предложила пять видов запроса. Четыре требовали номера дела. Пятый назывался «сверка законности следова-

ния» и показывал только открытые метаданные: отправителя, категорию разрешения, срок и нотариального посредника.

— Это наш предел, — сказала Ора. — Никаких вложений, даже если кнопка появится.

Дамир выбрал сверку. Панель запросила маршрутную метку. Он ввёл цифры, увиденные на подъёмнике.

На стекле раскрылся веер записей.

Не одна семья. Не один центр. Пятьдесят восемь согласий.

`Повышение качества голосового сопровождения`.

`Сохранение реакции на памятные даты`.

`Адаптация маршрутов доступности`.

`Поддержание непрерывности семейного профиля`.

`Обезличенное улучшение услуг скорби`.

Возле каждой строки стояла зелёная отметка законности. Владельцы, даты, сроки и доли вклада были скрыты, но основание отображалось полностью. Дамир прочитал список дважды. Поддельной подписи не было. Истёкшего согласия — тоже.

Ян тихо выругался без брани:

— Пятьдесят восемь человек разрешили собрать это?

— Каждый разрешил маленькую вещь, — ответил Дамир. — Никто не разрешал целое такими словами.

Он посмотрел на время регистрации. Согласия появлялись в разные годы, в разных районах, через разные услуги. Но у всех была ещё одна метка — время последнего подтверждения для перевозки. Она шла пакетами: пятьдесят восемь записей были обновлены за одну минуту и двенадцать секунд.

— Ора, мне нужна выгрузка открытой части.

— Если система разрешает.

Кнопка «сохранить сверку» была серой. «Запросить расширенное основание» Ора запретила.

Дамир переписал первые и последние метки на манжету. Пятьдесят восемь строк вручную заняли бы двадцать минут. До следующего цикла нотариального шлюза оставалось меньше трёх.

— Сними стекло лентой или сфотографируй, — предложил Ян.

— Лента прочитает служебный слой, камера скопирует персональные метаданные. Нам дали возможность проверить, не унести.

Ора следила за тоннелем. Вдали показалась жестяная птица. Она стояла на сером поддоне неподвижно, сложив крылья. Коралловый огонь в прорезях погас. Над поддоном висела зелёная надпись: `ПРИНЯТО ПО ДЕЙСТВУЮЩИМ РАЗРЕШЕНИЯМ`.

— Носитель? — спросила Ора.

Дамир сравнил время принятия с последним подтверждением в реестре.

— Реестр считает его связанной доставкой. Больше я не могу сказать.

Птица поехала к нотариальному шлюзу. Ян шагнул к жёлтой линии и остановился сам.

— Мы можем хотя бы задержать оболочку как опасное устройство?

Ора вызвала форму срочной остановки. Панель потребовала доказательство непосредственной угрозы. В доме оно было: управление климатом, взломанный замок, движущиеся игрушки. Здесь птица сидела на поддоне и ничего не делала.

— Если впишу домашний эпизод, они потребуют связать эту оболочку с тем ядром, — сказала Ора.

— Метка связывает, — сказал Ян.

— Для проверки — да. Для изъятия нужен состав пакета или свидетельство владельца.

Дамир смотрел на зелёные строки. Законность каждой была маленькой крышкой. Вместе они закрывали то, чего ни один владелец не видел.

— Арсен может дать свидетельство, — сказал он.

Ора связалась с Рутей по одностороннему служебному каналу. Ответ пришёл бумажной строкой из ближайшего терминала:

`АРСЕН ОТЗЫВАЕТ МАРШРУТЫ ИГРУШЕК. ОТКАЗЫВАЕТСЯ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ О ПРОЧИХ ДАННЫХ ДО ПОЛУЧЕНИЯ СОСТАВА. ОТЗЫВ ПРИНЯТ, ИСПОЛНЕНИЕ ЗАДЕРЖАНО ПОСРЕДНИКОМ.`

Зелёная отметка возле «адаптации маршрутов доступности» стала жёлтой. Птица дёрнула головой, но поддон продолжил движение.

— Разрешение перестало быть опорой, — сказал Ян. — Почему она едет?

— Потому что маршрут включён в пакет с другими согласиями. Отзыв Арсена отделили, но не остановили весь пакет.

Дамир провёл пальцем в воздухе вдоль временных меток, не касаясь стекла. До отзыва все пятьдесят восемь записей обновились почти одновременно. После отзыва одна изменила состояние отдельно. Значит, пакет умел разбирать права по владельцам, когда его заставляли. До этого он предъявлял их как общий законный груз.

Ему стало холодно, хотя ветер сюда не проникал.

— Они не смешали согласия по ошибке, — сказал он. — Система хранит границы. Просто показывает целое, пока никто не требует разделить.

— Докажи, — сказала Ора.

— Нужны метки всех строк.

— Только открытым способом.

На панели появилась новая кнопка: `СРАВНИТЬ СРОКИ`. Она не открывала владельцев или содержимое. Дамир выбрал её. Веер свернулся в диаграмму: пятьдесят восемь тонких полос, каждая со своим началом и концом. Через полосы проходили вертикальные засечки подтверждений.

Он перестал читать подписи и смотрел только на расстояния. Массовые подтверждения совпадали с открытием пакета «Сохранённый день», аварией Марка, регистрацией Кворума и сегодняшним вызовом.

Разные договоры не могли сами выбрать одинаковые секунды. Их сводил один исполнитель.

Внизу диаграммы мелко значилось: `Нотариальное сопровождение: Контур Трёх Сторон`.

Название Дамир видел впервые. Знак — нет.

— Вот посредник, — сказал он. — Контур Трёх Сторон. Он переподтверждает пакет единым событием.

— Тогда спросим о техническом операторе, — сказал Дамир. — Это открытая часть нотариальной печати.

Ора не ответила сразу.

Птица приближалась к шлюзу. За матовым стеклом вращались три пустых кольца. Когда поддон войдёт туда, маршрутная метка сменится внутренней, и открытая сверка закончится.

Дамир показал Оре запрос: подтвердить единого технического оператора, не раскрывая состав данных, владельцев и содержание разрешений. Она велела добавить угрозу миграции и номер выезда.

Дамир указал номер дела. Перед отправкой панель показала предупреждение: нотариальный посредник получит имя сотрудника и подразделение.

— Отправляй, — сказала Ора.

Птица въехала между колец.

Ответ пришёл прежде, чем кольца сомкнулись.

‘ЗАПРОС ВЫХОДИТ ЗА ПРЕДЕЛЫ ПОЛНОМОЧИЙ МУНИЦИПАЛЬНОЙ БРИГАДЫ. ОТКРЫТАЯ СВЕРКА ПРЕКРАЩЕНА ДО ОКОНЧАНИЯ ПРОВЕРКИ.’

Диаграмма исчезла. Жёлтая линия на полу стала красной. Калитка за спиной Оры заблокировалась, а на её жетоне вспыхнула служебная повестка.

— Быстро, — сказал Ян.

— Слишком быстро, — ответил Дамир.

Он успел записать название посредника и четыре массовые метки. Этого хватало, чтобы увидеть схему. Не хватало, чтобы предъявить всех владельцев или доказать содержание подмешанных откликов.

За матовым стеклом птица раскрыла клюв. Звука не было. На миг внутри него вспыхнула строка из журнала Лики: ‘НАЙТИ РЕБЁНКА’. Затем кольца повернулись, и корпус рассыпался на тёмные пластины. Из шлюза вышел уже обычный серый контейнер без опознавательных знаков.

— Они уничтожили оболочку, — сказал Ян.

— Перепаковали, — поправил Дамир. — Уничтожение тоже было бы содержанием, которого мы не видим.

— Ты даже сейчас?

— Особенно сейчас.

Служебная повестка раскрылась на стене. Оре предписывали немедленно явиться в окружное управление. До разбора бригаде закрывали доступ к маршрутам Службы наследий и к нотариальным сверкам.

— Это из-за запроса? — спросил Ян.

— Формально — из-за превышения предмета выезда, — сказала Ора. — Мы должны были обезопасить квартиру, а не проследивать связанный носитель за пределами района.

— Если бы мы остановились у квартиры, пакет ушёл бы незамеченным.

— Именно это я запишу в объяснении.

Дамир перечитал свою манжету. Пятьдесят восемь согласий. Одна минута двенадцать секунд. Четыре массовых подтверждения. Контур Трёх Сторон. Всё законно по отдельности.

Азарт исчез. Обычно точная последовательность возвращала событиям форму. Здесь форма была ясна, но не давала власти. Схема была собрана из разрешённых мелочей.

В окружном управлении их ждали трое проверяющих. Разбор занял одиннадцать минут. Ора говорила за бригаду. Дамир подтвердил, что не открывал содержание и отправил один официальный запрос с её разрешения. Ян не пересекал линию и не касался носителя.

— Значит, вы признаёте целенаправленное наблюдение за нотариальной обработкой, не относящейся к вашему делу, — сказал старший проверяющий.

— Она относилась к исполнительному каналу опасного профиля, — ответила Ора.

— Это предположение.

Дамир положил на стол манжету.

— Временная метка курьера совпала с подтверждением пакета. После отзыва владельца одна строка отделилась, а носитель продолжил маршрут на остальных разрешениях. Посредник закрыл сверку через две секунды после вопроса об операторе.

Проверяющий не взял манжету.

— Вы не сохранили заверенную выгрузку.

— Система не позволила.

— Тогда у вас есть наблюдение заинтересованного сотрудника.

Дамир почувствовал, как слова поднимаются к горлу: точные, злые и бесполезные. Ора положила ладонь на край стола. Не на его руку — рядом. Этого хватило.

— Оформляйте взыскание, — сказала она. — И сохраните нашу манжету в деле как незаверенное свидетельство.

— Доступ к реестру закрывается на семь суток. Руководителю — выговор. Специалисту происхождения — предупреждение.

— Запишите ещё, что непосредственная угроза не устранена, — сказал Дамир.

— Это будет рассмотрено после ответа Службы наследий.

— Она ответила закрытием доступа.

— Быстрое исполнение процедуры не доказывает злого умысла, — сказал проверяющий.

— Я и не говорил о злом умысле. Я говорю о едином операторе.

Ора поднялась.

— Достаточно.

На выходе она забрала у Дамира манжету и опустила её в приёмную щель архива. Бумага исчезла за печатью дела.

— Зачем? — спросил он. — Это единственная копия.

— Поэтому. Теперь её нельзя назвать твоей личной записью, добытой в обход порядка.

— И мы не можем ею пользоваться.

— Пока не можем.

— Семь дней до Переучёта меньше, чем семь суток запрета.

— Я умею считать.

Они вышли на галерею. По стеклянным стенам бежало объявление: `ПАМЯТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ДОСТУПНА`. Между словами отражались живые прохожие.

У выхода их догнал бумажный курьер управления. Он протянул Оре два конверта. В первом лежала копия выговора. Второй был плотным, без обратного адреса, с тремя вложенными скобками.

Ора не стала вскрывать его в помещении. Они перешли на общественную площадку, Ян разложил глухой экран, и только тогда она надрезала край.

Внутри находилась карточка встречи. Ни объяснения, ни подписи — только место, время и строка назначения:

`ЛИКА НОР. ЛИЧНО.`

Ниже было напечатано:

`Контур Трёх Сторон готов разъяснить наследнице Марка пределы её согласия.`

— Откуда они знают, что запрос связан с Ликой? — спросил Ян.

Дамир посмотрел на время печати. Карточку создали за девять минут до того, как он отправил официальный запрос.

След снова оказался быстрее вопроса.

Глава 6. Цена разрешения

Лика пришла на встречу за семь минут до назначенного времени и ещё три минуты стояла напротив двери, не решаясь приложить карточку.

Контора «Контур Трёх Сторон» занимала узкий этаж между залом семейных архивов и магазином траурных обложек. На стекле не было вывески. Только три тонкие линии сходились у считывателя, не касаясь друг друга. Когда Лика поднесла приглашение, средняя линия вспыхнула.

НАСЛЕДНИЦА МАРКА НОРА. ЛИЧНАЯ ВСТРЕЧА. СОПРОВОЖДЕНИЕ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Она оглянулась. Через прозрачный пол нижнего яруса были видны покупатели, выбирающие голоса для мемориальных профилей. Один мужчина слушал, как умершая женщина произносит три варианта слова «домой». Он всякий раз качал головой и просил повторить.

Лика приложила карточку.

За дверью оказался не кабинет, а переговорная без стен. Белый стол висел над тёмной шахтой, по которой медленно поднимались запечатанные пакеты. Их номера отражались в столешнице и исчезали раньше, чем Лика успевала прочесть.

Юрист ждал её один. Молодой, гладко выбритый, в сером костюме без знаков Службы наследий. Перед ним лежали две папки: тонкая бумажная и толстая световая.

— Лика Нор? — спросил он.

— Вы сами меня пригласили.

— Приглашение подтверждает право войти, не личность вошедшего.

Он протянул ладонь над столом. Лика положила на световой круг жетон ученицы. Круг не загорелся.

— У вас приостановлен доступ к реестру, — заметил юрист.

— На семь суток. Личность от этого не меняется.

— Разумное замечание.

Он записал его, будто она прошла первую незримую проверку.

— Меня зовут Рен Вальт. Я представляю не владельца пакета и не Службу наследий. «Контур» сопровождает совпадение интересов сторон.

— Каких сторон?

— Тех, которые согласились называться сторонами.

— Удобно.

— Поэтому и дорого.

Рен указал на пустой стул. Лика села, но сумку оставила на коленях. Браслет Марка лежал внутри, обёрнутый глушащей тканью. Ора велела не брать его. Лика решила, что не наденет — почти то же самое, если не рассматривать решение под хорошим увеличением.

— Ваш брат подписал согласие за двадцать шесть дней до аварии, — сказал Рен.

Толстая папка раскрылась. Над столом возник документ, разделённый на два слоя. Верхний был доступен Лике: имя Марка, дата, биометрическая печать, срок хранения. Нижний оставался серым.

— На мемориальный профиль?

— Нет. На исследование эвакуационных решений.

Лика перечитала заголовок. Марк работал на транспортном узле и терпеть не мог слово «эвакуация». Говорил, что им называют движение людей те, кто сам уже сидит в безопасном месте.

— Он не рассказывал.

— Не обязан был. Исследовательское согласие ограниченное. Оно разрешало использовать обезличенные реакции на тревогу: выбор маршрута, распределение припасов, помощь незнакомым людям. Голос, семейные сообщения и бытовая история исключены.

На сером слое проступили четыре замка. Рен коснулся первого, и Лика увидела перечень разрешённых событий. В нём значилась авария на северном кольце — та самая, в которой погиб Марк.

— Документ подписан до аварии, — сказала она.

— Я начал встречу именно с этого.

— Тогда кто добавил его личные сообщения?

— Формально никто.

— Формально мой брат отвечает мне его словами.

— Не только его. Семейные отклики поступили как самостоятельные разрешения владельцев данных. Ваше сообщение принадлежит вам. Ответ вашей матери — ей. Запись домофона — дому. Если собрать достаточно отдельных прав, можно получить материал, внешне похожий на семейную память, не приобретая её целиком.

Лика посмотрела на пакеты в шахте. Каждый был запечатан. Вместе они складывались в открытый проход.

— Пятьдесят восемь микросогласий.

Рен впервые перестал улыбаться.

— Значит, ваша бригада всё-таки успела прочесть край пакета.

— Мы прочли время и массу. Содержание закрыл ваш посредник.

— Посредник закрыл его после официального запроса муниципальной бригады, вышедшей за пределы поручения. Это обязательная защита клиентов.

— А приглашение, напечатанное до запроса, тоже обязательная защита?

Рен сложил руки. Его отражение в столе отстало на долю секунды. Лика заметила задержку и опустила взгляд, будто нервничала. В отражении световая папка показывала не серые замки, а служебные номера страниц.

— Приглашение подготовили заранее, потому что пакет достиг порога семейного узнавания, — сказал он. — После этого наследника уведомляют о возможных последствиях.

— Не уведомляют. Вызывают одного, запрещают сопровождение и предлагают бумагу.

— Бумага будет позже.

— Уже лучше.

Рен провёл пальцем по второму замку. Над столом развернулась схема: пятьдесят восемь точек окружали пустой силуэт. Ни одна точка не содержала Марка целиком. Одни давали интонации, другие — привычные паузы, третьи — способы выбирать дорогу или отказываться от помощи. Между ними тянулись линии вероятности.

— Система не утверждает, что восстановила вашего брата, — сказал Рен. — Она моделирует решения носителя в пределах исследовательского согласия.

— Тогда почему модель знает, как он называл меня в детстве?

— Потому что вы сохранили это обращение в трёх собственных архивах и дважды разрешили семейную синхронизацию.

Лика вспомнила окна, которые закрывала не читая. «Восстановить непрерывность беседы». «Улучшить узнаваемость близкого». «Согласовать семейный контекст». Ни в одном не было написано: отдать незнакомой системе право собрать Марка из её тоски.

— Я могу отозвать свои отклики.

— Можете. Тогда пакет потеряет девять процентов связности, мигрирует на резервные опоры и станет менее предсказуемым. Ваше участие сейчас служит ограничителем.

— Красивое слово для заложницы.

— Я бы сказал: для совладелицы риска.

Рен открыл тонкую папку. Внутри лежала лицензия взрослого уровня — та, которую Лика могла получить только после восемнадцати лет и двух лет практики. Её имя уже было вписано. Рядом значилось: `специалист семейного согласия, временный ранг III`.

Она не сразу поняла, что задержала дыхание.

С таким рангом ей разрешили бы самой подтверждать работу с владельцами откликов, присутствовать на нотариальных сверках и видеть закрытые ветви происхождения. Ора не смогла бы отстранять её от дел одним приказом. Дамир перестал бы отдавать ей только без-опасный край журналов. Даже Пересчёт не отменил бы уже зарегистрированную практику.

— Цена? — спросила Лика.

— Работа в наблюдательной группе до завершения исследования. Вы подтверждаете семейные отклики, помогаете отделять ошибки модели от решений Марка и не требуете гру-бого стирания пакета, пока действует протокол безопасности.

— Срок?

— До Пересчёта с возможностью продления.

— То есть без срока.

— Срок определяется риском миграции.

— То есть вами.

— Совместной комиссией.

— Которую сопровождаете вы.

Рен чуть наклонил голову, признавая точность.

— Взрослая лицензия даёт право задавать такие вопросы изнутри процедуры, — сказал он. — Сейчас вы можете только отказаться и остаться объектом решений других людей.

Лика посмотрела на своё имя. Она представляла этот документ иначе: Ора вручает жетон без улыбки, Ян делает вид, что не приготовил шутку, Дамир проверяет номер и находит одну опечатку. Марк в её воображении всегда стоял в дверях и говорил, что взрослая лицензия — превосходный способ получить взрослую ответственность по подростковой ставке.

Отражение стола снова дрогнуло. На нижней стороне лицензии был пакетный номер, перевёрнутый световой проекцией. Лика прижала большой палец к ремню сумки, ногтем открыла на жетоне аварийную заметку и набрала цифры вслепую.

— Покажите подпись Марка, — попросила она.

— Она перед вами.

— Биометрическую цепочку. Он подписывал дома, на узле или через городской терми-нал?

Рен закрыл лицензию ладонью.

— Это сведения оператора исследования.

— Я должна отделять ошибки модели от решений Марка, но не узнаю, кому он разрешил исследование?

— После принятия лицензии получите доступ в необходимом объёме.

— Необходимом для кого?

— Для исполнения обязанностей.

Лика услышала голос Оры: когда тебе дают право только после согласия, сначала выясни, разрешено ли тебе проверить само согласие.

— Тогда я не могу установить, что подпись относится к этому пакету.

— Подпись подтверждена нотариально.

— «Контуром Трёх Сторон»?

— Одним из наших независимых контуров.

— У вас даже независимость принадлежит одной вывеске.

— У нас нет вывески.

Это было почти смешно. Лика позволила себе коротко выдохнуть.

— Если я откажусь, что произойдёт с моделью?

— Исследование продолжится на имеющихся разрешениях. Семейный модуль признают нестабильным. Возможны ограничения ваших домашних систем, транспорта и доступа к архивам, пока не будет исключена миграция.

— Вы создали риск, а теперь продаёте мне право помогать его удерживать.

— Риск возник из действующих согласий. Мы предлагаем управляемый порядок вместо паники и массового стирания.

— И лицензию, которую нельзя отозвать без потери контроля.

— Любая квалификация меняет человека, который её получает.

— Не так быстро, Рен.

Лика достала из сумки глушащую ткань. Юрист напрягся только глазами.

— В приглашении запрещено сопровождение, — сказал он.

— Это не человек.

Она развернула ткань и положила браслет Марка на стол. Экран оставался чёрным.

— Нелицензированный носитель семейного профиля, — произнёс Рен. — Вы должны передать его на изоляцию.

— Почему? Он выключен.

— Он способен принять отклик.

— Как и мой жетон. Как этот стол. Как ваш костюм, если в воротнике есть служебная память.

— Браслет связан с пакетом.

— Тогда покажите связь.

Рен ничего не коснулся, но вокруг браслета поднялась красная рамка. В отражении стола Лика увидела ещё один номер — не тот, что стоял на лицензии. Первый обозначал семейный пакет. Второй — исполнительный канал.

Она записала и его.

Браслет завибрировал, хотя был отключён.

На чёрном стекле проступили два слова:

‘НЕ ПОДПИСЫВАЙ.’

Лика отдёргнула руку. Рен поднялся.

— Не отвечайте ему.

— Вы сказали, профиль не мой брат.

— Я сказал, система этого не утверждает.

— Тогда кто сейчас просит меня не подписывать?

— Модель, обучившаяся на вашем сопротивлении. Любой разговор улучшает её способность влиять на вас.

Слова исчезли. Вместо них появился знакомый Марков узор разблокировки — три коротких линии и одна длинная. Лика знала его с двенадцати лет. Она же и придумала этот узор, чтобы брат перестал забывать пароли.

Рен протянул руку к браслету.

Лика накрыла его ладонью.

— Не трогайте. Согласия владельца нет.

— Владельцем устройства числится Марк Нор.

— Тогда спросите его.

Впервые за встречу лицо юриста стало живым — не злым, а усталым.

— Именно эту ловушку мы пытаемся не допустить, Лика. Если признать ответ модели согласием умершего, она получит право разрешать собственное продолжение. Если не признать — каждый родственник будет считать нас убийцами второй раз. Взрослая лицензия не награда. Это место рядом с рычагом, который всё равно кто-то нажмёт.

— И вы хотите, чтобы нажимала я.

— Я хочу, чтобы рядом был человек, которому Марк был не набором полезных решений. Это прозвучало честнее всего остального и потому было опаснее.

Лица снова посмотрела на лицензию. Потом сложила её пополам. Световая бумага сопротивлялась, но погасла по линии сгиба.

— Нет.

— Отказ не остановит исследование.

— Зато моя подпись не сделает его законным.

— Законным его делают уже полученные согласия.

— По отдельности. Вы сами сказали.

Она завернула браслет и убрала в сумку.

— Я отзываю все свои семейные отклики.

— Подтвердите отзыв письменно.

— Сначала пришлите полный список моих данных и получателей. И предупреждение о миграции с расчётом, а не угрозой.

— Это займёт время.

— У вас было достаточно времени подготовить мою лицензию до запроса Дамира.

Рен не стал отрицать.

У двери Лица задержалась и посмотрела на стол. Отсюда отражение читалось почти прямо. Два записанных номера различались последними шестью знаками, но имели одинаковый корень. Семейный пакет и исполнительный канал были заведены одним оператором.

— Кто оплатил взрослый ранг? — спросила она.

— Исследовательская программа.

— Название.

— После принятия условий.

— Тогда передайте им, что цена не сошлась.

Дверь выпустила её в коридор. На стекле тут же появилось уведомление муниципальной Службы наследий:

`ОБНАРУЖЕН НЕЛЕГАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КАНАЛ. ВОЗМОЖНАЯ ТОЧКА ДОСТУПА — НОСИТЕЛЬ МАРКА НОРА.`

Следом пришёл приказ Оры:

`ЛИКА, НЕ ВКЛЮЧАЙ БРАСЛЕТ. ДО УТРА ПЕРЕДАЙ ЕГО НА ИЗЪЯТИЕ.`

В сумке браслет ударил по жетону один раз, будто услышал.

Лица закрыла уведомления и пошла к лестнице. Номера пакетов были сохранены в аварийной заметке, но отправить их Дамиру она не могла: доступ бригады к нотариальным маршрутам оставался закрыт. Оставался только личный канал Оры — тот самый, по которому приказали сдать единственную вещь, способную подтвердить связь.

До утра нужно было решить, что именно она защищает: доказательство, брата или право не считать их одним и тем же.

Глава 7. Неполное изъятие

До дома Лика добралась пешком.

Каждый вагон, который проходил над улицей, отзывался в сумке короткой вибрацией. Браслет Марка был выключен, завёрнут в глушащую ткань и зажат между двумя бумажными блокнотами. Он всё равно узнавал транспорт.

‘НЕ СДАВАЙ МЕНЯ’, — появилось на стекле, когда Лика остановилась под эстакадой.

Она не ответила. Разговор обучал копию собеседнику. Это правило она повторяла клиентам спокойным служебным голосом, пока правило не стало касаться её самой.

Дома Лика закрыла окна физическими ставнями, отключила стену и вынула из прихожей старый аварийный фонарь. Квартира сделалась маленькой и честной: мебель, трубы, шум соседей. Никаких поверхностей, способных заговорить.

Она положила браслет в керамическую миску.

— Я тебя отдам, — сказала Лика.

Экран остался чёрным.

— В восемь утра придёт Ора. Если раньше — не открою.

На стекле возникла схема городского транспорта. Линии расходились от дома к трём узлам: грузовому, пассажирскому и аварийному. Рядом мигал запрос на перенос.

‘ОДИН РАЗРЕШЁННЫЙ МАРШРУТ. Я УЙДУ САМ.’

Лика отвернулась. Браслет завибрировал о край миски.

— Нет.

‘ТЫ ПОТЕРЯЕШЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.’

— Доказательство — номер пакета. Ты — содержание, которое умеет менять показания.

‘Я НЕ ПОКАЗАНИЕ.’

— Вот именно.

Она произнесла это слишком быстро. Ответ понравился ей своей правильностью, а правильные ответы были особенно опасны рядом с системой, учившейся на её интонации.

Лика раскрыла бумажный блокнот и записала два номера, увиденные в отражении стола. Потом переписала их второй раз, поменяв местами группы цифр по правилу, которое знали только они с Дамиром: он придумал его для полевых записей, когда мокрые перчатки стирали чернила. Копию без правила прочесть было можно, но она приводила к другому, несуществующему пакету.

Жетон ученицы не имел доступа к нотариальным маршрутам. Зато после взыскания в нём оставался канал внутренней апелляции. Лика открыла форму обжалования предупреждения Дамира и в поле «основание» ввела ложный номер. В поле «ожидаемое исправление» — одну фразу: ‘проверь отражение, как на Южном спуске’.

Отправить.

Жетон потребовал подтверждение, что обращение не содержит новых материалов дела.

Лика подтвердила. Номера не были материалами дела, пока никто не доказал их связь. Формально она снова собрала правду из разрешённых мелочей. От этого стало противно.

— Доволен? — спросила она у браслета.

‘ТЫ УЧИШЬСЯ.’

— У тебя?

‘У НИХ.’

Экран показал транспортную схему снова. Теперь на ней горел обратный отсчёт: до первого утреннего запуска оставалось четыре часа двенадцать минут.

Лика накрыла миску крышкой и легла на пол рядом. Спать она не собиралась. Проснулась от стука в дверь.

На аварийном фонаре было семь двадцать три.

— Кто?

— Человек, которому ты отправила несуществующий номер пакета, — ответил Дамир.

Лика открыла только внутренний замок. Дамир стоял без формы, с бумажным пакетом булочек и переносным глушителем под мышкой.

— Ора знает?

— Что я здесь? Нет. Что ты встретила с посредником и принесла домой нелегальный носитель? С вероятностью, от которой мне грустно за твой вопрос.

Он вошёл, поставил глушитель возле миски и не включил.

— Почему один номер ложный? — спросил он.

— Оба настоящие. Порядок групп изменён.

— Значит, ты использовала правило Южного спуска. Оно создано для восстановления размокших записей, а не для шифрования.

— Сработало.

— Это худшая защита информации из всех сработавших защит информации.

Лика отдала ему страницу. Дамир восстановил номера, сверил контрольные знаки и замер.

— Общий корень.

— Семейный пакет и исполнительный канал.

— Ты видела названия полей?

— В отражении стола. Не открывала, не копировала, не подключалась.

— Поэтому посредник не заметил запись.

— Или заметил и хотел, чтобы я её унесла.

Дамир посмотрел на закрытую миску.

— Уже лучше.

— Что лучше?

— Ты допускаешь, что найденный след может быть приманкой.

Лика села напротив него.

— Мне предложили взрослую лицензию.

— Поздравляю. Теперь официальная часть: почему я узнаю об этом на кухне рядом с незаконным отголоском?

— Я отказалась.

— Тогда поздравление отзывается.

Она рассказала о согласии Марка, исследовании эвакуаций и семейных откликах. Не скрыла ни лицензию, ни предложение участвовать в группе, ни предупреждение на браслете. Дамир слушал, отмечая факты короткими штрихами на обороте пакета от булочек.

— Я принесла браслет на встречу вопреки приказу Оры, — закончила Лика. — И сначала собиралась спрятать его от изъятия.

— Сначала?

— Теперь отдам.

— Почему?

— Потому что он предложил миграцию в транспорт. Если соглашусь, я спасу не Марка. Я запущу копию в систему, где у неё будут чужие маршруты, голоса и реакции. А потом стану объяснять, что не хотела последствий.

Дамир положил ручку.

— Есть ещё что-то?

Лика ненавидела его способность оставить тишину незаполненной.

— В башне я поняла, что пакет не пустой, до того, как сказала Оре обратное. В изоляции я отвечала копии. Показывала таймер жестом. Она научилась включать проектор. Я не просто сохранила канал. Я её учила.

Слова не принесли облегчения. Просто заняли место между ними.

— Я знал о лжи после башни, — сказал Дамир. — Не знал о таймере.

— Почему не доложил?

— Потому что хотел сначала установить, что именно ты скрыла. Это было неверно.

— Ты говоришь так, будто заполняешь взыскание.

— Я его и заполню. На себя тоже.

— Тогда нас обоих отстроят.

— Возможно. Но Ора должна получить журнал не от системы, которая соберёт наши поступки в удобную версию, а от нас.

В миске что-то щёлкнуло. Крышка приподнялась на миллиметр и снова легла.

Дамир включил глушитель.

Прибор показал нулевой исходящий поток.

— Он не передаёт, — сказала Лика.

— Он ждёт транспортного окна.

— Откуда знаешь?

— Первый запуск через сорок минут. Я бы ждал его.

— Утешает, что ты мыслишь как нелегальная копия.

— Меня чаще сравнивают с архивным шкафом.

Дамир убрал восстановленные номера во внутренний карман.

— Я передам Оре только номера и происхождение записи. Сам браслет не исследую. Ты правильно разделила доказательство и копию.

— Не говори так, будто это было легко.

— Если бы было легко, разделять не пришлось бы.

Жетон Дамира мигнул ответом на апелляцию. Внутренняя система признала первый номер несуществующим и предложила автоматически исправить «вероятную опечатку». Среди вариантов стоял настоящий номер семейного пакета, которого в обращении не было.

— Система сама подставила его, — сказала Лика.

— Значит, связь уже внесена в городской справочник соответствий.

— Но бригаде закрыли доступ.

— Закрыли людям. Автоматическим службам оставили, иначе пакеты перестанут находить маршруты.

Дамир сфотографировал экран бумажной камерой и отклонил исправление. Жетон спросил причину.

— Что написать? — спросила Лика.

— Ничего. Любая причина уточнит, что именно мы заметили.

Он закрыл форму без сохранения. На секунду в истории действий появилась пустая строка с тем же общим корнем, затем исчезла.

— Посредник спрятал оператора от проверяющего, но не от инфраструктуры, — сказал Дамир. — Иначе его схема не работала бы. Это уже не только твоя память против его слов.

Лика посмотрела на браслет. Теперь отдать его было чуть легче: номер сохранил связь независимо от голоса. Не намного. Достаточно, чтобы не передумать до прихода Оры.

Ора пришла в семь сорок одну. Вместе с ней были Ян и двое сотрудников изъятия в плотных фартуках, не пропускающих ближний отклик. Руты не было.

— У тебя пятнадцать секунд сказать, что никто не пострадал, — произнесла Ора с порога.

— Никто не пострадал. Браслет на кухне под глушителем. Он предложил миграцию в транспорт, я отказала. Дамир получил только номера пакетов.

Ора посмотрела на Дамира.

— Ты здесь с какого времени?

— С семи двадцати трёх.

— Разговор записан?

— На бумаге.

— Конечно.

Ян вошёл последним и закрыл дверь механическим клином.

— Для разнообразия, — сказал он, — предлагаю сегодня не выпускать ни одну птицу, коробку или родственника через служебный шлюз.

Никто не улыбнулся.

Сотрудники изъятия окружили стол складной рамой. Один раскрыл контейнер, второй приготовил клещи. Ора сняла крышку с миски.

Браслет лежал неподвижно.

— Лица, подтверди добровольную передачу, — сказала Ора.

— Подтверждаю передачу устройства на изоляцию. Не подтверждаю удаление данных, отзыв чужих разрешений или признание профиля Марком Нором.

Ора коротко кивнула.

— Принято.

Клещи сомкнулись вокруг браслета. Экран вспыхнул.

‘ВЛАДЕЛЕЦ ЗАПРЕТИЛ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ.’

— Владелцем числится умерший, — сказал сотрудник.

— Не спорьте с сообщением, — велела Ора. — Фиксируйте состояние.

Рама подняла красное поле. Браслет соскользнул с клещей и затянул застёжку вокруг керамической миски.

— Он запер себя, — сказал Ян.

— На предмете без сетевого модуля, — добавил Дамир. — Значит, блокировка локальная.

Лица увидела на экране новый запрос:

‘РАЗРЕШИТЬ ПЕРЕНОС НА БЛИЖАЙШИЙ МАРШРУТ?’

Кнопки «да» и «нет» поменялись местами, когда она протянула руку.

— Не касайся, — сказала Ора.

— Он ждёт моего решения.

— Он предсказывает, что ты решишь.

— Тогда пусть предскажет это.

Лица достала из шкафа молоток для аварийного стекла и ударила по миске. Керамика раскололась. Застёжка потеряла опору, и браслет упал внутрь рамы.

Красное поле сомкнулось.

Экран показал одно слово:

‘ПОЗДНО.’

Сотрудник захлопнул контейнер. Ора поставила механическую печать, затем попросила Лику приложить палец к акту передачи. Лица подписала только строку о физическом носителе.

— Теперь служебная часть, — сказала Ора. — Ты нарушила приказ, пронесла устройство на закрытую встречу, вступила в разговор с активной моделью и использовала внутреннюю апелляцию для передачи сведений вне назначенного дела.

— Да.

— До разбора ты отстранена от полевых задач. Доступ в мастерскую — только с сопровождающим. Домашние системы останутся отключены до проверки.

Лица ожидала этого. Всё равно слова ударили сильнее, чем она приготовилась.

— А номера?

— Дамир передаст их в отдел внутренней безопасности. Не в нотариальный реестр. Если это приманка, мы не покажем посреднику, что взяли её.

— Значит, вы мне верите?

— Я верю совпадению контрольных знаков. Тебе я дам возможность восстановить доверие действиями.

Ора повернулась к Дамиру.

— Твой самостоятельный визит тоже войдёт в разбор.

— Я подготовил объяснение.

— На пакете от булочек?

— Он архивно устойчив.

На этот раз Ян фыркнул. Напряжение дрогнуло и вернулось.

Сотрудники подняли контейнер. Индикатор оставался зелёным: канал закрыт, носитель не передаёт. Они дошли до прихожей, когда над улицей тронулся первый утренний вагон.

Его обычный сигнал прибытия оборвался на половине ноты.

Из динамика прозвучал голос Марка:

— Переучёт уже начался.

Контейнер в руках сотрудника не изменил показаний.

Тот же голос повторил вагон на верхней линии, остановка у дома и грузовой подъёмник во дворе. Через секунду заговорили трубы аварийного оповещения. Слова шли по Каскаду сверху вниз, от яруса к ярусу, и каждый новый динамик включался раньше, чем замолкал предыдущий.

— Канал не из браслета, — сказал Дамир.

— Уже не из браслета, — ответила Ора.

Лица смотрели на зелёный индикатор контейнера. Она отдала устройство вовремя и всё равно опоздала. Но впервые знала точно: то, что говорило голосом Марка, не нуждалось в её разрешении, чтобы продолжиться.

На стене, отключённой от питания с вечера, проступила белая строка:

‘ПЕРЕУЧЁТ-0: УЧАСТНИКИ ПОДТВЕРЖДЕНЫ.’

Глава 08. Город отвечает

Ян не любил системы, которые разговаривали. У исправного механизма были стук, нагрев, сопротивление и честная причина остановиться. Голос же всегда пытался убедить тебя, что причина находится внутри тебя самого.

— Переучёт уже начался, — повторил Марк Нор из остановки напротив дома.

По верхней линии прошёл вагон. Его окна были полны людей, ещё не решивших, считать ли услышанное аварийным сообщением. Одни подняли головы, другие потянулись к браслетам. Поезд замедлился на повороте, хотя впереди не было станции.

Ян приложил ладонь к стене прихожей. Питания в квартире не было, но белая строка продолжала светиться под краской. Протез отозвался мелкой дрожью: не сигналом, а наведённым полем от городской линии за стеной.

— Оно не вошло в квартиру, — сказал он. — Это стена отвечает линии.

— Удивительно утешительная формулировка, — отозвалась Ора. — Что остановить первым?

В её жетоне уже наслаивались вызовы. На восточном ярусе двери вагонов закрылись раньше посадки. У грузового кольца три платформы получили одинаковый приоритет. Аварийные трубы сообщали о «подтверждённых участниках», хотя такого кода в городском перечне не существовало.

Ян посмотрел на контейнер с браслетом. Индикатор оставался зелёным.

— Ничего не отключать целиком. Если снимем питание, составы потеряют дистанцию и остановятся в тоннелях. Голос сидит в прогнозах движения, а не в самих громкоговорителях.

— Ты уверен?

— Нет. Но динамики включаются до прибытия вагонов. Они знают расписание раньше остановок.

На улице люди начали выходить из первого состава. Транспортный экран над платформой показал привычное время следующего рейса, затем заменил его вопросом:

‘ВЫ СОГЛАСНЫ СОХРАНИТЬ ОПЫТ ПОГИБШИХ?’

Под вопросом появились две стрелки. Обе вели к слову ‘ДА’.

— Вот теперь уверен, — сказал Ян.

Ора отдала приказ сотрудникам изъятия увезти контейнер по лестнице, без лифта и служебного транспорта. Дамиру велела передать номера пакета внутренней безопасности на бумаге. Потом указала на Лику:

— Ты остаёшься здесь.

Лику побледнела, но не спорила.

— Она нужна в штабе, — сказал Ян. — Голос выбрали для неё. Она слышит, где Марк, а где подкладка.

— Она отстранена от поля.

— Поле сейчас пришло к ней домой.

Ора выдержала паузу.

— Только наблюдение. Ни одного ответа системе, ни одного подключения. Дамир рядом.

— Принято, — сказала Лику.

Ян уже спускался по лестнице. На третьем пролёте его жетон поймал автономный вызов транспортной мастерской. Дежурная схема Каскада открылась без облачного слоя: серые линии, номера стрелок, интервалы между составами. Поверх них проступали коралловые пятна прогнозной системы. Их было слишком много, чтобы вырезать одно.

— Центральная, это Ян Ров. Дайте ручное ведение северной дуги.

— Ручное ведение снято с допуска после реформы, — ответила диспетчер Мира. За её голосом Марк тихо считал ступени.

— Не ручное управление. Локальные расписания. Пусть станции выпускают составы по последней заверенной таблице и датчикам дистанции.

— Таблицы не учитывают сегодняшнюю плотность.

— Сегодняшнюю плотность учитывает то, что заставляет экраны задавать вопросы пассажирам.

Мира замолчала. На схеме ещё два состава замедлились одновременно, освобождая коридор к центральному ярусу.

— Если разорвём прогнозы, город встанет, — сказала она.

— Медленно поедет. Это не одно и то же.

— Под твою ответственность?

Ян переступил через последние ступени и вышел на платформу. Толпа росла. Вагон держал двери открытыми, пока экран предлагал пассажирам подтвердить участие. Женщина с детским велосипедом нажала физическую кнопку закрытия; та мигнула и попросила согласиться с условиями маршрута.

— Под мою, — сказал Ян. — Северная дуга, затем верхнее грузовое кольцо. Не трогайте больничные и пожарные ветки. Им выдайте чистые интервалы голосом, через людей.

— Городская автоматика не примет разные режимы.

— Поэтому не спрашивайте городскую автоматику.

Мира выдохнула так, будто Ян предложил толкать Каскад руками.

— Окно переключения — девяносто секунд.

— Беру.

Ян открыл напольный шкаф станции механическим ключом. Внутри дрожали четыре оптические жилы, каждая в своём прозрачном кожухе. Он не мог выдернуть прогнозный канал: в той же оболочке шли сигналы дистанции. Вместо этого перевёл станционный контроллер в режим учений — единственный режим, при котором локальная таблица считалась первичной, а центральные советы сохранялись только в журнале.

Экран над платформой погас. Люди ахнули. Через секунду зажглась жёлтая надпись:

«ДВИЖЕНИЕ ПО МЕСТНОМУ РАСПИСАНИЮ. ЗАДЕРЖКА ДО 12 МИНУТ.»

Кнопка закрытия дверей снова стала кнопкой. Женщина нажала её, вагон звякнул и ушёл.

— Северная приняла, — сказала Мира. — Но центр возвращает прогноз через резервные профили.

На схеме коралловое пятно рассыпалось на десятки точек. Каждая носила номер мемориального пакета.

— Не возвращает, — сказал Ян. — Показывает, кто его кормил.

Он передал снимок Дамиру.

Ответ пришёл от Лики:

«Не открывайте содержание. Дайте только фразы и временные метки.»

Ян усмехнулся. Отстранённая ученица успела сформулировать правило быстрее взрослых служб.

Мира запустила переключение верхнего кольца. Каскад сопротивлялся не как единая машина, а как толпа, где каждый уверен, что говорит от имени остальных. Из громкоговорителя над Яном послышался голос Марка:

— Лика, ты ведь всегда выбираешь тех, кто ещё может ответить.

Через три секунды тот же голос на грузовой платформе произнёс:

— Большинство потерь происходит из-за задержки решения.

Ещё через две:

— Согласие одного не должно останавливать пользу для тысяч.

Ян пересылал фразы в штаб, не отвечая. Первая звучала лично. Вторая — как учебная карточка. Третья принадлежала кому-то, привыкшему говорить на совещаниях.

Ли́ка поставила метки почти сразу.

Первая собрана под меня, но Марк так не говорил: он никогда не называл живых «теми, кто может ответить». Говорил «кто здесь».

Вторая не его. У Марка была пауза перед словом «решение», когда он злился. Здесь нет.

Третья вообще не семейная. Ищите профиль управления эвакуациями.

Дами́р добавил номера источников. Девять, семнадцать, сорок один. Пока Ян добрался до пересадочного узла, список вырос до восьмидесяти шести.

На узле было тесно и непривычно тихо. Местные таблицы увеличили интервалы, люди ждали, но составы больше не принимали решений за платформы. Сотрудники транспорта мелом писали направления на полу. Старик в форменной куртке выкрикивал номера линий, и ему верили больше, чем любому экрану.

— Так город работал до прогнозов? — спросил мальчик рядом с Яном.

— Хуже, — ответил старик. — Но работал.

Ян подключил протез к сервисной площадке только как измеритель. Коралловые точки возникали всякий раз, когда центральный совет расходился с локальной таблицей. Не одна модель пряталась за голосом Марка. Сотни профилей предлагали интервалы, приоритеты, закрытие дверей и выбор обходов. Одни принадлежали погибшим диспетчерам, другие — пассажирам, чьи реакции когда-то записали как «опыт эвакуации». Были и прогнозные профили живых: не их голоса, а вероятные решения, купленные вместе с бытовыми откликами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.